Борис Ширяев

«Ставрополь–Берлин»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ Редакции сайта «Сила и Слава» ……. 2

I. ИЗ РУК В РУКИ ……. 5

II. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ ……. 8

III. МАСКИ СПАДАЮТ …… 12

IV. ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РОЗЕНБЕРГА ……. 17

V. ОНИ И МЫ ……. 22

VI. СИСТЕМА ДОКТОРА ШУЛЕ …… 28

VII. ВЕЛИКИЙ ИСХОД ……. 32

VIII. ОДИН ИЗ МНОГИХ …….. 38

IX. В ЦАРСТВЕ «ЗОЛОТЫХ ФАЗАНОВ» …….. 42

X. FECI QUOD POTUI! ……... 46

XI. РУССКАЯ!.. РУССКАЯ!.. …… 52

XII. ДНЕВНИК ПЕРЕБЕЖЧИКА ……... 56

XIII. ДВЕ РОССИИ …….. 61

XIV. В НЕИЗВЕСТНОСТЬ! ……. 66

XV. ПОВЕСТЬ БЕЗВЕСТНЫХ МОГИЛ …… 71

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из наиболее сфальсифицированных и искаженных до неузнаваемости страниц новейшей Русской истории является, безусловно, период так называемой «великой отечественной войны» и немецкой оккупации советских территорий. Все, что написано по этому поводу советско-россиянскими писателями, поэтами, публицистами и историками, представляет собой грандиозный исторический подлог, который по степени своей лживости и гнусности может быть сопоставлен только с грязной еврейской выдумкой о «холокосте». Недалеко от этой литературно-исторической макулатуры ушли и различные совковые воспоминания очевидцев и участников, ибо они написаны людьми с безбожным мышлением и ублюдочной жидо-большевицкой моралью. Эти люди при всем желании неспособны честно описать то, что было у них перед глазами, ибо сатана, которому они предали свои души, настолько ослепил их ум, повредил их совесть и извратил их чувства, что они «видя, не видят и, слыша, не разумеют» (Лк. 8:10).

По этой причине для получения правильного представления о «великой отечественной войне» и жизни на «временно оккупированных территориях» следует обращаться только к таким произведениям, которые написаны людьми христианской Веры и Русского духа. Таких работ, к сожалению, весьма немного вследствие малого количества людей указанной категории. Большинство писателей, историков и мемуаристов, заявляющих себя «русскими» и «православными», при ближайшем ознакомлении обнаруживают свою сильную зараженность советчиной, жидовством и сергианством.

Поэтому мы с большим удовольствием предлагаем нашим читателям воспоминания русского писателя Бориса Ширяева, бывшего непосредственным свидетелем немецкой оккупации Северного Кавказа, а затем отступавшего с Германской Армией до самого Берлина и в итоге ушедшего на Запад через Италию. Свои воспоминания под псевдонимом Алексея Алымова он публиковал в нескольких номерах журнала «Часовой» за 1949 и 1950 года, а четыре года спустя издал на эту же тему роман «Кудеяров дуб», где свои впечатления и чувства выразил уже в художественной форме.

Воспоминания эти полностью опровергают и разрушают бредовую мифологию «отечественной войны», сочиненную в сатанинском экстазе лживыми красными пропагандистами, продажными «историками», «очевидцами» с сожженной совестью и прочими советскими выродками. Со страниц этих воспоминаний нам открывается взгляд на события истинного Русского человека и истинно-православного христианина, сопоставляя который со своими собственными взглядами, каждый из нас может еще раз проверить как свою русскость, так и свою православность.

Конечно, повествование Ширяева, как и вообще всякие воспоминания, несет в себе элемент субъективности. Наиболее ценно в них то, что Борис Ширяев видел собственными глазами, не замутненными совковой ложью, и пережил своим сердцем, бьющимся в унисон с сердцем всей национальной России. Меньшего доверия заслуживают те места его очерков, где Ширяев пересказывает события, свидетелем которых он сам не был, и дает оценки явлениям, с которыми он лично незнаком или малознаком.

Это касается в первую очередь крайне негативного его отношения к деятельности Министерства Восточных территорий Альфреда Розенберга, которую он сам мог наблюдать лишь изредка (т.к. пребывал все время в армейской зоне оккупации) и судил о ней большей частью по рассказам немецких военных, которые в силу известной неприязни фронтовиков к тыловикам давали деятельности Розенберга и его подчиненных далеко не лестные оценки.

В этом отношении воспоминания Бориса Ширяева грешат против исторической правды. Розенберг уже одним своим указом «О свободе Церкви» заслуживает безусловного уважения со стороны Русских людей, ибо такой свободы в исповедании Православной Веры, какая была при немцах, русские истинно-православные христиане не имели за все время существования Совка, как не имеют его доныне и в РФ. Политика Восточного Министерства на оккупированных территориях действительно вызывала справедливые нарекания, однако яростные критики Розенберга почему-то все время упускают из вида, что последнему приходилось действовать в невероятно трудных условиях: при явном и тайном саботаже замаскированных большевицких агентов; среди массы безбожного населения, развращенного 25 годами жидо-большевизма до последнего предела; на разоренной войной и сталинской тактикой «выжженной земли» территории; при катастрофической нехватке административных кадров из числа образованных и интеллигентных русских людей, которые были либо истреблены НКВД, либо увезены на восток; наконец, при непрекращающейся террористической деятельности еврейских и коммунистических банд, использовавших в своей борьбе совершенно чудовищные, просто невероятные по своему зверству, цинизму и подлости методы и приемы.

Наша собственная русская администрация эпохи ген. Деникина и адм. Колчака позорно провалилась с организацией тыла, находясь в гораздо более благоприятных условиях, чем немцы, поэтому едва ли у нас, русских, есть моральное право бросать камень в Розенберга, которого извиняет хотя бы то, что его чиновники работали в чужой стране, которую знали плохо, тогда как чиновники ген. Деникина и адм. Колчака работали в своей собственной стране и знали ее прекрасно. К неспособности Белых вождей справиться с красной партизанщиной и махновщиной в своем тылу у нас относятся снисходительно и даже сочувственно, тогда как аналогичная неспособность немцев почему-то вменяется им чуть ли не в преступление, хотя по сравнению со сталинскими лесными бандитами типа Емлютина махновцы выглядят просто ангелочками. В этом отношении русская историческая литература и публицистика давно грешат явной односторонностью: то, что прощается и извиняется Белым, в отношении немцев становится обвинительным актом.

Наконец, местами Борис Ширяев повторяет и просто глупейшие слухи, вроде сказок о «газовых камерах» для евреев, но это можно объяснить тем, что в послевоенных условиях разнузданной антигерманской и антигитлеровской истерии разобраться и отличать правду от лжи было крайне трудно, особенно бесправному русскому эмигранту.

В остальном же воспоминания Бориса Ширяева представляют собой исключительно ценное свидетельство, и мы рады познакомить с ним наших читателей, еще не до конца освободившихся от последствий зомбирования

пропагандистскими бреднями о «Великой Победе», «защите Родины», «фашистских зверствах», «истреблении мирных советских граждан» и прочих «ужасах немецкой оккупации».

Редакция сайта «Сила и Слава».

Ставрополь — Берлин
(Из лично пережитого)

I. ИЗ РУК В РУКИ

Когда в конце июля 1942 г. радио на Ставропольском базаре прохрипело: — Нами оставлен Ростов... обреченность города и всего Северного Кавказа стала настолько очевидной, что даже «присяжные оптимисты по должности» приумолкли. Среди эвакуированных с запада евреев, — их скопилось в Ставрополе около 10 тысяч, — началась паника. В учреждениях начали спешно готовить эвакуационные списки. Записывались, как всегда, в добровольно-принудительном порядке, так как не только отказ, но даже колебание в желании эвакуироваться влекло за собой неминуемый арест. НКВД судорожно проводил последнюю чистку города. Ночами «черные вороны» беспрерывно ввозили свою добычу в ворота тюрьмы, а из ворот одна за другой выходили партии заключенных, окруженные автоматчиками и сторожевыми собаками. Их гнали на юг и на восток, но немногие доходили до мест назначения. Позже, в овраге, около станицы Темнолесской было обнаружено около 200 трупов мужчин и женщин, расстрелянных из пулеметов и наскоро засыпанных тонким слоем земли[1]. Подобными «малыми Катынями» усеян весь путь отступления красной армии, и на Сев. Кавказе особенно густо: застарелая ненависть к русской Вандее вспыхнула вновь с особенной силой.

И все же, за исключением беженцев-евреев, эвакуироваться пришлось немногим. Стремительность удара немцев оказалась неожиданностью даже для партийной верхушки Ставрополя. Начальство бежало на подводах и в особенности в последний час, когда поднятый по тревоге гарнизон занял позиции на ближайших подступах к городу. Бегство было настолько поспешно, что вошедшие на следующий день в кабинет председателя горсовета нашли на его письменном столе откупоренную бутылку водки и перед ней налитый, но не выпитый стакан. Не успел «хватить для храбрости» бедняга!

Немцев ждали с северо-запада, со стороны от Кавказской, но их механизированные части, сделав глубокий обход, атаковали Ставрополь с севера и северо-востока, зайдя в глубокий тыл красным, отступавшим от Ростова на юг.

Ночь не 3-е августа гарнизон Ставрополя провел еще в казармах и лишь утром был уведомлен по телефону, что немцы ночевали в 40 км от города. Такова была связь в отступавших частях красной армии.

В полдень 3-го августа завыла сирена, и тотчас же загрохотали разрывы первых авиабомб. Четыре бомбовоза сбросили свой груз над станцией ж. д. Зениток в городе не было, и, зная это, атакующие летчики снижались до предела. Били без промаха: запылал нефтесклад, вспыхнули составы с евреями-беженцами, панически заметались по путям люди, дрезины, паровозы... Двумя следующими волнами были атакованы резервы обороны, скопившиеся в пригородном Архиерейском лесу; одновременно открыли огонь подошедшие немецкие танки. Бой за Ставрополь

[1] Впоследствии красной пропагандой все эти преступления были переписаны на немцев. — прим. ред.

длился не более часа. Четвертая и последняя волна бомбовозов поражала уже хаотически бежавшее через город человеческое месиво бросившего оружие 30-и тысячного ставропольского гарнизона. Но бежали на запад далеко не все. Большая половина красноармейцев, главным образом мобилизованные из ближайших районов, укрылись в пригородах и ближайших лесах. Там они пересидели 2-3 дня и, разузнав обстановку, спокойно разошлись по домам. Немцы их не задерживали; пресытившись пленными на Украине, они не стремились отягощать ими свои слабые силы, брошенные на Кавказ. Кроме того, их политика по отношению к местному населению здесь была иной, чем на Украине, и дала иные результаты. На запад от Ставрополя идут две дороги: на Татарку и на Темнолесскую. В этот день обе они были запружены густым человеческим месивом. Пишущий эти строки видел тяжелое отступление Русской армии от Карпат, трагический финал Белого движения, но ничего подобного этому бегству красных видеть ему не доводилось.

По обеим дорогам не шли, а буквально бежали, катились густые волны людей, лошадей, машин... Ревя сиренами, протискивались набитые людьми и наскоро связанными узлами автомобили ответственных работников; по обочинам шоссе, цепляясь колесами друг за друга, неслись тачанки, городские экипажи и даже дроги пожарного и ассенизационного обозов. Волны бегущих очень отдаленно напоминали даже разбитые наголову воинские части. Артиллерия и пулеметы, — чего у красных в Ставрополе было очень мало, — были брошены на позициях и долго валялись там к великой радости забавлявшихся ими ставропольских мальчишек; командиры срывали знаки отличия, еще проходя по городу, некоторые сбросили даже выделявшие их франтовские френчи и шли в одних рубахах. Почти все рядовые побросали винтовки, а ловкачи, успев перехватить в городе кое-какую одежду, фантастически преобразились. Группы солдат останавливали подводы с еврейскими беженцами, выбрасывали дико визжащих женщин и детей и, усевшись в «трофейный» экипаж, нахлестывали коней. Изредка попадались тихо бредущие раненые из брошенных лазаретов; опираясь на палки, в халатах и подштанниках, они брели по краям дороги… им не помогал никто.

Проходя через поселки, эта саранча дочиста обирала все съестное, обшаривая склады кооперативов, кладовки, кухни и курятники крестьян. Не брезговали ничем, хватали муку, кукурузу, борщ из печи и даже квашни с опарой... и бежали... бежали без передышки...

Воинский порядок сохранил только эскадрон НКВД. Идя широкою рысью, он прорезал дорогу сквозь расступавшуюся толпу для колонны грузовиков с начальством края и города.

...А с противоположной стороны в Ставрополь медленно, грохоча гусеницами, вползали серо-синие немецкие танки. Солдаты, скинув тесные мундиры и разместившись на броневых покрышках машин, с любопытством оглядывали новый город.

Несмотря на то, что большевицкая пропаганда уже больше года беспрерывно кричала о зверствах немцев, население не чувствовало страха. Не только не запирались ворота, не опускались уцелевшие ставни, но, наоборот, с продвижением немцев к центру города, улицы принимали все более и более оживленный вид. Немецкие солдаты приветственно помахивали руками, недавние комсомолки и

активистки спешно пудрили носы и выбегали на улицу, ответственные работники планировали «изменение линии поведения в связи с изменившейся ситуацией».

В Ставрополе не встречали немцев с цветами и хлебом-солью, как это было несколько дней спустя в Пятигорске и Кисловодске, но в час их вступления, несомненно, весь город облегченно вздохнул полной грудью.

Причины этого вздоха были различны. Убежденные враги большевизма видели в победе немцев разгром своего исконного врага; бывшие собственники — надежду на хотя бы частичное возвращение их имущества, главным образом, отобранных домов; репрессированные и жившие по фиктивным документам (а таких немало) — освобождение от вечного страха перед вездесущим НКВД; голодные — возможность насытиться; знавшие больше других радовались провалу намеченного большевиками «прощального часа» — разгрома города и, наконец, все вместе тому, что страшный для обывателя момент перехода из рук в руки прошел почти безболезненно, без артиллерийского обстрела, уличных боев, больших пожаров и т. д.

Ставрополь, как и большинство городов Сев. Кавказа, перешел к новым хозяевам почти неповрежденным. Бомбардировкой с воздуха были разрушены лишь жел. дор. склады и несколько случайно попавших под удар домов в городе. Все лучшие здания уцелели. Комсомольцы, на которых был возложен разгром оставляемого города, разбежались при разрывах первых бомб, а частично попрятались с целью остаться. Чекисты попытались взорвать свое гнездо, но второпях оборвали ведущие к заложенным минам электропроводы и ограничились поджогом архивов. Последние заключенные были полностью истреблены гранатами, брошенными в камеры через окна убегающими чекистами

Бой за Ставрополь длился, считая от первой атаки с воздуха, не более двух часов и стоил немцам лишь около 10 раненых и убитых. Советских солдат легло также не много. Они бросили позиции до открытия огня немецкими танками. Больше всего пострадало мирное население — беженцы, скопившиеся на станции ж. д. Около 300 убитых и раненых были зарегистрированы в лазаретах. В это число попали далеко не все пострадавшие.

II. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Немцы вступили в Ставрополь около 4-х часов дня и к 6-ти часам все главные силы наступавшей броневой дивизии уже втянулись в город. Серые и пятнистые чудовища стали рядами под старыми каштанами тенистого Воронцовского сада, переименованного в «парк культуры и отдыха». От невиданной огромной автокухни вкусно запахло поджаренным салом. Запыленные здоровяки-танкисты, сбросив фельдграу и рубахи, принялись за бритье и умывание.

По улицам носились трескучие мотоциклы квартирьеров, расставляя указатели-стрелки и подыскивая квартиры начальству.

Над клубом комсостава красной армии, сохранившим полностью свою роскошную обстановку, взвился флаг со свастикой. Здесь стал штаб. Комендатура разместилась в здании крайкома партии, также уцелевшем вплоть до мелочей, и первые три дня немецкий комендант восседал под огромным портретом Сталина. В горячке первичной организации управления городом его позабыли снять, и когда русские указывали немцу на это несоответствие, он лишь бросал отрывисто:

— Квач!

Желающие служить у немцев или вернее при немцах, потянулись в комендатуру тотчас же и среди них преобладали… члены и кандидаты партии.

Что их влекло в комендатуру? Несомненно, известная часть действовала по заданиям партии, что и сказалось в ближайшем времени, но это были единицы, а большинство шло по чисто карьерным побуждениям, тем же, которые привели их раньше к вступлению в партию. В победе немцев не сомневался никто, и ловчилы-дельцы, каковых немало в рядах ВКП(б), стремились с налету захватить теплые и хлебные местечки. Немцы это понимали прекрасно и именно поэтому протежировали коммунистам. Такой народ подходил им, как нельзя более.

— Мы не могли поступать иначе, — объяснял это позже, уже за Днепром, крупный немецкий генерал Кестринг, прекрасно изучивший Россию в качестве военного атташе посольства времен Вильгельма II. — На Украине мы пытались привлечь к активной административной работе уцелевшую от террора старую русскую интеллигенцию. Но опыт не удался. Привлеченные оказались или безнадежными рамоликами или безвольными, утратившими индивидуальность «специалистами». И те и другие были непригодны к живой, требующей инициативы работе. Между тем, коммунисты давали нам разом готовые кадры привычных ловких администраторов. Мы рассчитали, что при наблюдении за ними, коммунисты станут нам лучшими помощниками. Их политические убеждения не играли роли. Вряд ли они глубоки у большинства.

Нужно сознаться, что ген. Кестринг был прав в значительной мере. Обескровленная до предела старая русская интеллигенция всех видов утратила силы, необходимые для активной организационной работы. Полузадушенное колхозным прессом, запуганное раскулачиванием и ссылками крестьянство также не могло выдвинуть своих ставленников. Оставалась лишь коммунистическая и коммуноидная группа. И вот...

...Едва лишь комендант уселся за свой служебный стол, как перед ним предстала рослая энергичная женщина.

— Ихб — профессор, — кричала она, — профессор института, ферштеен? Сталин капут, Гитлер гут, хейль Гитлер. Хочу у вас работать... Ферштейн?

Для подтверждения своих чувств женщина запускает деревянным пресс-папье в портрет Сталина и смачно плюет в том же направлении. Комендант, уже привыкший к подобным сценам, вежливо кивает головою и, наскоро опросив через переводчика, выдает ей, перманентной председательнице всех комиссий по чисткам профессуры и студентов Педагогического института, члену ВКП(б) В. К. Архангельской назначение на должность директора этого института.

Вслед за нею кандидат партии, ловкач — инженер Красносельский назначается бургомистром города и тотчас же формирует правление из «своих» людей.

Позже Архангельская была смещена по единодушному требованию всей профессуры, а Красносельский расстрелян за шпионаж и крупные хищения. Но это было позже, а пока в руки этой компании попадало все управление городом.

Шли к немцам и иные. Начальником одного из районов полиции стал бывший дутовец, есаул Стаханов, заведывать отделом здравоохранения уговорили любимого и уважаемого всем городом старого д-ра Шульца. Оба они работали честно, и каждый служил своей идее, служил до конца... в Лиенце, где оба погибли. Но это были единицы, которым приходилось бороться на два фронта, причем «внутренний» фронт был несравнимо тяжелее «внешнего».

— Бросьте ваши распри, — говорили позже немцы, когда от них требовали смещения коммунистов, — это хорошие люди, они честно работают...

К вечеру первого дня управление городом было полностью сформировано, а в самом городе начался грабеж. Но то, что происходило, можно назвать грабежом лишь условно. Громили и растаскивали только государственное имущество, не касаясь даже богатых квартир бежавших коммунистов. Люди брали то, что считали принадлежащим им по праву, недоданное им за многие годы тяжелого труда, отнятое у них силой. Брали почти исключительно самое необходимое: пищу и одежду. Целые магазины с ценным техническим оборудованием, дорогими красками, радио — оставались нетронутыми... Жадно хватали муку со складов горящей Тулиевской мельницы; сахар, сало и консервы из закрытых распределителей НКВД и крайкома; колбасу и окорок с беконной фабрики, продукции которой при большевиках ставропольцы не нюхали.

Немцы не препятствовали, но сами никакого участия в грабеже не принимали. Их войска, вступившия в Ставрополь, были боевыми передовыми частями. Розенберговские «гольдфазаны» — гражданское управление следовало за ними в весьма почтительном отдалении. Эти же, пройдя с боем всю Европейскую Россию, видели слишком ясно нищету населения, и они-то знали разницу между ним, населением, и правительством. Жуткие картины голода и террора проходили перед ними в каждом захваченном городе, в каждой деревне. Одетый в фельдграу немецкий Бауэр, вздыхая о своем хозяйстве, оставленном в Тюрингии или Баварии, не мог не сочувствовать ограбленному до нитки русскому мужику, несмотря на все усилия нацистской пропаганды. Но изредка врожденная страсть к порядку прорывалась. Бравый вахтмейстер, видя толпу у только что разбитых дверей продуктового склада НКВД, слыша иступленные крики женщин и писк придавленных детей, командует:

— Halt! Frauen und Kinder zuerst![2] И становится в дверях.

Поняли. Отхлынули и беспрекословно пропустили вперед женщин.

Нет, то, что происходило в этот первый день, не было грабежом. Это было естественным и справедливым удовлетворением застарелого, долголетнего голода.

Рабочие обувной фабрики нашли тайный законсервированный склад подошвенной кожи, — огромная ценность в стране «счастливого изобилия», и сдали его новой дирекции, взяв себе лишь по паре подметок. Рабочие маслозавода убили поджегшего склад директора, затушили пожар и поставили свою охрану. Это было сделано во время бомбардировки. Коллектив типографии фактически не прекращал работы. Спрятавшись в подвал при первых разрывах, наборщики не успели разбрестись по домам, как уже пришлось набирать приказы немецкого коменданта. На место бежавшего, захватив из кассы 150.000 р., директора стал старый метранпаж Тершуков (позже убитый красными в Румынии) — и только в этом и была перемена.

Августовские сумерки еще не окутали города, как по всем его улицам тот же Володя, что возвещал печатным словом волю трудящихся, — красный партизан и инвалид, а ныне расклейщик афиш — на этот раз оповещал ставропольцев о приказах новых хозяев: явиться к месту работ, прекратить грабеж, сдать оружие, позже 8-ми часов по улицам не ходить и, главное, сохранять спокойствие.

Об этом последнем пункте заботиться комендатуре было излишне. Город был спокоен, и многие, трепетно ждавшие последними бессонными ночами треска мотора «черного ворона» у своих ворот, блаженно вытягивались под одеялом:

— Ух! Миновало! Теперь — выспимся! В 8 часов, согласно приказу, улицы опустели. На теплом небе играли отблески зарева горящего нефтесклада. Вдруг неожиданно для всех в домах вспыхнул электросвет. Неожиданно, потому что советы ради экономии топлива уже четыре месяца не давали энергии в жилые помещения. Оставшийся без начальства (директор сбежал) техник электростанции самовольно включил городскую сеть. Немцы не запретили. Они знали, что ночного налета не будет.

Наутро перед газетными киосками стояли очереди. Ставропольцы брали нарасхват первый № «беспартийной» русской газеты «Ставропольские новости». Передовица начиналась словами, прозвучавшими на Руси 81 год назад:

«Осени себя крестным знамением православный русский народ»...

В ограде единственной уцелевшей церкви звонили в наскоро подвешенную чугунную доску...

[2] Стой! Сначала женщины и дети! — нем.

III. МАСКИ СПАДАЮТ

С Деминского хутора — небольшого совхоза верстах в 8 к западу от Ставрополя — город виден, как на ладони. Этот совхоз был опытно показательной станцией сев. кав. зоотехнического института, и утром 3-го августа здесь царило тревожное оживление. Часов в 10 на 2-х тачанках прикатил директор института с семейством и тотчас же заперся с директором совхоза.

Кривой, но видавший виды кладовщик, подморгнул своим единственным глазом: — припекает... — но тотчас же добавил внушительно, — причин к беспокойству нет:

«Красная Армия непобедима!..»

Доярки, принесшие бидоны с пенистым парным молоком, переглянулись и закивали головами: — как же, как же, знаем... На собрании в субботу профком нам все чисто объяснил.

На совхозный двор вкатили еще две подводы. На них, поверх гор узлов и чемоданов возседали оба помощника директора института: узколобый, нудный партиец Науменко, — учебная часть и беспартийный Н-ков, часть хозяйственная. Лошадям задали корм, но хомутов не сняли.

Напряженность момента стала ясной для всех, вплоть до примолкнувших ребят, но говорить об этом боялись. Гипноз страха перед доносом слишком глубоко въелся в психику подсоветского человека. Старик-пчеловод в своем дощатом балагане, украдкой перекрестился, прячась за центрифугу.

— Летят... — с неба донеслось характерное, не такое как у советских моторов воркотание. Четыре огромных бомбовоза медленно, как казалось, проплыли над хутором.

Все сбились на пригорке, напряженно всматриваясь в раскинувшийся на равнине город. Притихли.

— Вот, она!.. началось!.. Один за другим рванули разрывы. На правом крыле города поднялись медленно и растеклись огромными грибами столбы черного дыма. Блеснуло пламя. По станции ударили — закрестились бабы. Какой-то мальчишка завыл. На него цыкнули.

Вторая волна... разрывы... Третья... Близкий треск моторов... шарахнулись.., но это эскадрилья советских «москитов» приземлилась и укрылась за садом совхоза. По дороге в Татарку понеслись первые автомобили с убегающим начальством.

За ними густо повалили подводы. Со стороны города «заухало».

Артиллерией бьет!..

«Москитов» как смыло. Низко летя, скользя над самыми вершинами леса, скрылись вдали. Директор и Науменко, ругаясь, сбили замок со склада, кладовщик куда-то исчез, — вытащили весь запас масла и, нахлестывая коней, понеслись по жнивью вдоль татарской дороги. Со стороны города дробно застучало... — Пулеметы…

Свершилось. Город сдан. Красные бегут. Из кустов бузины выползли укрывавшиеся в них кладовщик и завхоз Н-ов, подвода которого сиротливо стояла под навесом. Укатили черти, и масло слизнули... Вечером, когда дороги опустели, и стало ясным, что красные не попытаются отбивать город, в комнате кривого кладовщика собралась «аристократия» совхоза. Счетоводы, комбайнер, садовник,

скотник и укрывшийся завхоз, оказавшийся бывшим помещиком из средней России. Ну что ж теперь будет?.. — А ничего не будет. Завтра приедут к нам мотоциклеты — и все. Были большевики — будут немцы. Хуже не будет..

А пшеница кому?.. кому скот!?..

Этот вопрос сидел в голове у каждого. Конечно, немцы пограбят. Без этого нельзя. Война. Но и оставить кое-что должны. Хоть по корове на семью, и пшеницы... Потому что у них собственность признается. А с землей как будет... Предполагали всякое. Говорили обо всем, только не о немецких зверствах. — Это все одна пропаганда. Партийным, тем, конечно, опасаться приходится. А с чего будут мужиков бить. Работать-то кто будет?.. Вот партизаны... тут всякое возможно... народ голодный, злобный...

На ночь затворились наглухо, а утром на хуторе застопорил машины патруль мотоциклистов. Лейтенант с засученными рукавами рубахи вытащил планшет с двухверсткой и стал что-то говорить. Старались понять и не могли. Помощь пришла оттуда, откуда ее никто не ожидал, из шалаша садового сторожа, хромого, молчаливого старика, безвестно откуда пришедшего весной и по недостатку мужчин принятого на работу. Старик подковылял к собравшимся и вдруг, поклонившись лейтенанту, бойко заговорил по-немецки. Он оказался бывшим служащим крупной немецкой фирмы, отбывшим 10 лет Колымы — за «сношение с иностранной державой» — и потом скитавшимся по Руси, потеряв семью и переменив имя.

— Дорога на Татарку?.. Да... Вот эта! ДоТатарки 18 км.

— Ты бы немцам по рюмке водки предложил, да шашлыку, — посоветовал кладовщик. — «Водки?.. Да». На обратном пути выпьют. Вернутся через полчаса, лишь проверив путь до Татарки. У них служба аккуратная.

Можно ли делить скот?.. Этого лейтенант не знает. Он только разведчик, но, конечно можно пользоваться продуктами. Должны же люди есть. Через полчаса в палисаднике директорского флигеля стоял накрытый стол, шипели шашлык и яичница, сочно поблескивал нарезанный арбуз... но «гости» пробыли недолго. Выпили по стаканчику и запылили по дороге. Доканчивала обильное угощение новая «головка» совхоза, и тут же приняли решение: выдать всем по 10 пудов муки. По одной корове, в собственность, а остальные беречь до распоряжения. Резать ни-ни, разве что овец на общее пользование. Работы продолжать: начальство, кладовщик станет за директора, а там дальше видно будет...

За водкой маски спадали одна за другой. В совхозах народ пришлый, неведомый и подолгу на одном месте не сидит. Счетовод оказался дьяконом, комбайнер — казаком из-под Ейска, беглым из Кемского концлагеря, правком этой ночью исчез со всей семьей, значит правда, что чекист был, сексот...

Плотно сидевшие при советах маски, спадая открывали приглушенное тщательно скрытое стертое прошлое. Языки развязывались, теперь можно... не вернутся проклятые!.. кто же мог поверить тогда в возрождение боеспособности этого, только что пробежавшего мимо хутора сброда?..

— А что будет?.. Немцы... хуже, чем было, не может быть, выпьем...

В городах процесс спадания масок проходил быстрее и сложнее. То и дело случались самые невероятные превращения. Известный всему городу моссельпромовский папиросный разносчик оказался священником, плановик крайисполкома — казачьим полковником, военный обозреватель газеты, красный

инвалид и орденоносец — ярым монархистом. — «Ну, а красным партизаном-то были?.. Был и орден получил!» До 1930 г. коммунизму был полностью предан, а когда воочию увидел коллективизацию на Кубани, так как рукой сняло. Понял, во что все эти «сицилизмы» народу обходятся, и о Царе вспомнил. А податься уже некуда было... Теперь — баста...

Появились и самозванцы, большей частью из числа бывших беспартийных активистов, громче партийцев кричавших ура «гениальнейшему» и «любимейшему». Теперь они повествовали о перенесенных ими страданиях, о тюрьмах и ссылках, о мнимых контрреволюционных подвигах или о величественном прошлом...

Маски спадали не только с людей, знавших дореволюционную жизнь. Они сыпались дождем и с молодежи. Сильные, свежие организмы стихийно стремились сорвать с себя искусственно и насильственно нарощенную тесную комсомольскую кору.

Редакция новой беспартийной газеты, беспрерывно получала письма с самыми разнообразными вопросами и требованиями: «скажите нам правду о тех, кого большевики называли «врагами народа»... — печатайте «уроки хороших манер», «мы не хотим стыдиться за себя перед немцами». — Требуем организовать при пед. институте курсы иностранных языков и русской истории. Выпустите листовку западно-европейских мод. Мы все раскупим!..»

Порою звучали трагические ноты — кто знает о моем муже (имя), арестованном (дата) и пропавшем без вести, сообщите! Молодежь, особенно девушки, охотно поступали на службу в прибывавшие ежедневно немецкие «амты» и «абтайлунги»[3]. Все, сколь либо знавшие немецкий, устраивались переводчиками.

Базар собрался на третий день по занятии города. Сначала робко, с оглядкой, но скоро развернулся вовсю. Откуда-то появились пирожки, малороссийские колбасы, краденные немецкие консервы, бритвы и сахарин из солдатских посылок. Платья, наскоро сшитые из учрежденских занавесок. Бог торговли и предприимчивости, легконогий Меркурий также сбросил свою маску гонимого, подворотного «спекулянта». Бывшие учительницы, секретари и регистраторши бесчисленных советских учреждений потащили на базар домашние торты «наполеон» и «стефанию». «Чашки чая», армянские шашлычные, комиссионные магазины росли как грибы, в пригородах заварили самогон. Конкуренция регулировала цены, и они медленно шли на убыль. Хлебный паек был снижен с 400 на 300 гр., но на голод никто не жаловался.

Не единым хлебом сыт человек. Мучительная для духа, кто его сохранил, маска вынужденного атеизма также спадала. В течение первой неделя в Ставрополе, где сохранилась одна церковь, были открыты разом три. Через 4 месяца к Рождеству в Ставропольской епархии было 27 церквей. В открытии новых епархий отказывали, — не хватало священников. Ремонтировать старые, разрушенные храмы было не по силам. Скромные престолы учреждались в опустелых складах, клубах, собраниях. Скромно было их убранство, но велико усердие украшавших, высоки порывы их душ. В часы служб эти церкви далеко не вмещали пришедших поклониться восстановленному Кресту.

[3] «Учреждения» и «отделы» — нем.

Маски спадали с лиц целых племен: все карачаевцы собрались в Кисловодске, чтобы торжественно отпраздновать по старым обычаям дни Байрама. Скачки, лезгинка, зажаренные целиком бараны и джигитовка на брошенных при бегстве конях пятигорского военно-ремонтного завода, да такая, что приглашенный на празднество немецкий генерал мог лишь произнести: «колоссаль, гросартиг!»[4].

...Теперь карачаевского племени больше не существует. При отступлении его джигиты ушли на запад, растаяли в боях с партизанами полесья, а их остатки погибли в Лиенце. Старики, женщины и дети погибли, переселенные в снежный Нарым.

Когда ставропольское «Утро Кавказа» выпустило специальный казачий номер, на первой странице которого красовались начальные слова традиционной песни: «Гей, Кубань, ты наша родина..», этот номер читался с амвона в храмах, прилегающих к Ставрополю станиц. Плакали вдовы казаков, зарытых в безвестных могилах, плакали дети отцов, угнанных в снежное приполярье, роняли горячие слезы немногие уцелевшие казаки. По беглому подсчету не более 10% казачьего рода осталось в кубанских станицах. **Могли ли они не принять оружия для борьбы с убийцами своих родичей, безразлично кто бы им это оружие не предлагал?.. Могли ли они не отдать этой борьбе все оставшиеся силы?..**

Казачьи и горские антисоветские отряды начали возникать на Кубани стихийно снизу, без призыва со стороны немцев, и германскому командованию выпало на долю лишь использование уже готовой, почти сформированной силы, которой, кстати сказать, оно побаивалось, и, несмотря на яркую волю казачества к борьбе, немцы тормозили формирования. Некоторые отряды истинных русских партизан создавались даже до прихода немцев: мотоциклисты, занявшие Кисловодск, застали его уже в руках карачаево-казачьего отряда Сафарова, которому поручили охрану города; при бегстве из «Черкесска» (бывш. станицы Баталпашинской) обоз советских беженцев подвергся нападению конной группы, прибывшей из Зеленчука; в Краснодаре (Екатеринодаре) тотчас же после занятия города чудом уцелевший казак — первопоходник войсковой старшина Белый (судьба неизвестна) сформировал казачий отряд, который позже был влит в казачью дивизию фон Паннвица; молодой казак ст. Новониколаевской М. Земцов (погиб в Лиенце) сгруппировал своих станичников и позже, при отступлении, вывел их с семьями из почти полного окружения, через ст. Крымскую и Керченский пролив (по льду). Если бы немцы всерьез занялись казачьими формированиями, они могли бы иметь свыше 100 тысяч пламенных антибольшевицких борцов, борцов за новую Россию. Но они не сделали этого, несмотря на желание военного командования, понимавшего выгодность местных формирований, особенно, на Кавказе в горной войне. Мешал Берлин и диктовавший оттуда свои приказы Розенберг. Многообещавшее казачье антисоветское движение, в результате вылилось в полуинвалидный «Казачий стан» в северной Италии и закончилось трагедией Лиенца.

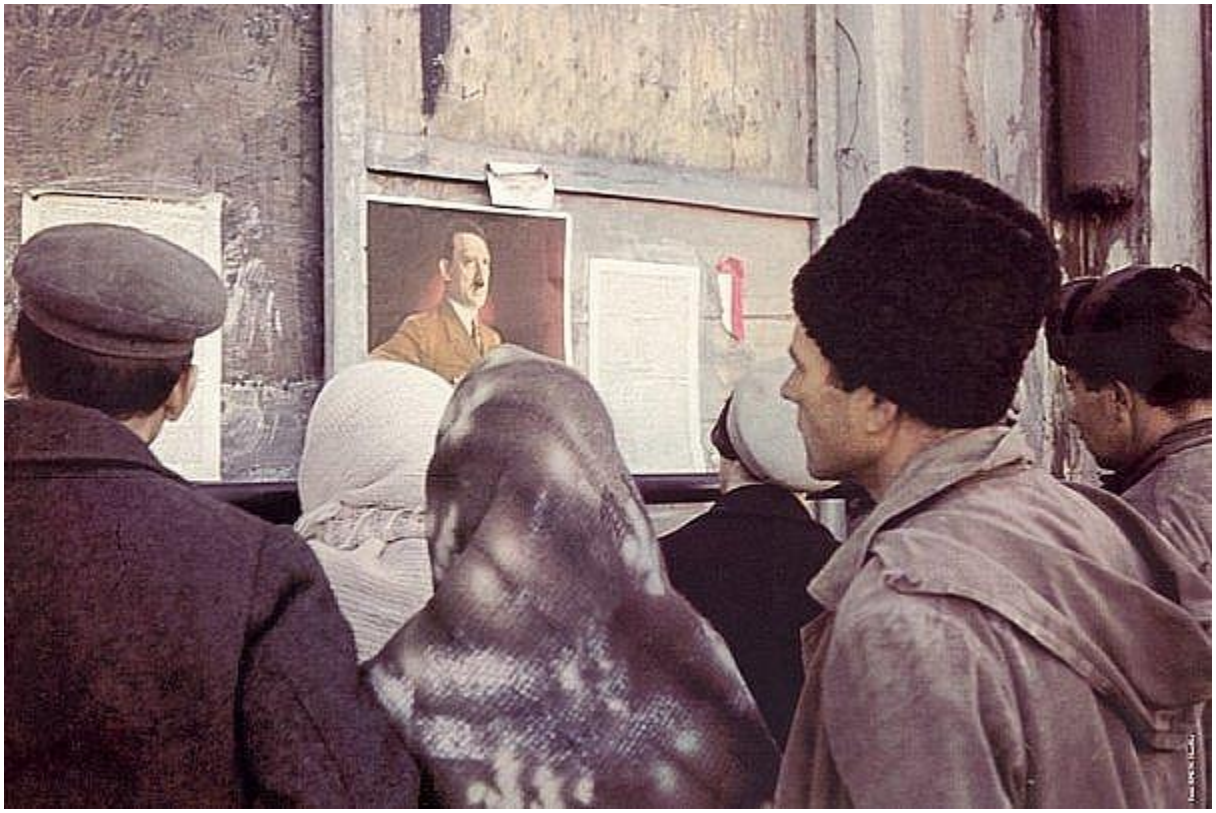
Следует отметить, что немецкая пропаганда казачьего сепаратизма никакого успеха ни на Дону, ни на Кубани не имела. Позже, в Германии и Италии все попытки берлинских и пражских казаков-сепаратистов вести пропаганду своих «идей» терпели полное фиаско. Казачья пресса: «На казачьем посту» (ред. сотник

[4] «грандиозно, великолепно!» — нем.

Гусев, погиб в Лиенце), газеты «Казачий клинок» (ред. есаул Польский, выдан красным в Италии), «Земля казачья» (ред. подесаул Болдырев, застрелился в Лиепае) — стояла полностью на антисепаратистской позиции, а ген. П. Н. Краснов попросту выгнал явившихся к нему пражских самостийников.

Но это было позже, а тогда спала еще одна маска, закрывавшая страшное звериное лицо фактического властителя города: двери НКВД, скрывавшия за своими тяжелыми створами тысячи кровавых тайн, были открыты настежь. Желающие могли свободно входить во внутренний двор, заглядывать в решетчатые окна подвалов, через которые в последнюю минуту были брошены в камеры гранаты: там — разорванные в клочья тела, стены, забрызганные кровью и мозгом, неопознанные вздутые обгорелыя тела.

Имена их, Ты, Господи, веси!..



IV. ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РОЗЕНБЕРГА.

Не превышавшая численностью четырех дивизий ударная группа германской армии, прорвавшаяся на северный Кавказ через Сальские степи и Ставрополье, в течение августа 42 г. быстро растекалась в трех направлениях: на запад, через Краснодар к Новороссийску, на восток, к Буденновску (Св. Кресту) и Грозному, а небольшие соединения горной пехоты «Эдельвейс» и мотоциклистов, почти не встречая сопротивления заняли Пятигорск и район Минеральных Вод. По свойственной немцам страсти к военным эффектам, отряд отборных альпинистов поднялся на Эльбрус и водрузил флаг со свастикой на его снежной вершине.

— Наше знамя реет над высочайшей горой Кавказа, — гордо сообщала сводка германского гл. штаба. Немцы на Фридрихштрассе и Унтер ден Линден, вероятно, с упоением читали и перечитывали эту телеграмму. Русские на Кавказе посмеивались: здесь все знали, что у красных на Эльбрусе была лишь высокогорная метеорологическая станция с тремя сотрудниками, да полуразвалившийся сарай для ночевки туристов. Зато многое говорили им другие факты, те, которых немцы не поняли, не оценили и не использовали.

Кисловодск был брошен красными, за два дня до прихода туда немцев и последние беженцы-коммунисты покидали его уже под напором спустившихся с гор партизан-карачаевцев. Эти же партизаны под начальством молодого карачаевца доктора С-ва поддерживали в городе порядок вплоть до прибытия немецких мотоциклистов. Никаких проявлений национальной вражды, чего боялись многие городские жители, со стороны горцев не было. Наоборот русская и горская молодежь в первый же день по уходе красных дружно разгромила многочисленные памятники вождям всех рангов, украшавшие парк и курзал, а взрослое население, особенно женщины, столь же единодушно растаскивали роскошную отделку и утварь комиссарских домов отдыха. Здесь добра всем хватало. Из шелка оконных драпировок и бархата занавесов «интимных» внутренних театров сшили себе платье чуть не все кисловодские девицы.

Жизнь «домов отдыха для ответственных работников» до того времени тщательно закрытая от глаз населения высокими стенами и цепью охраны, обнажилась перед глазами изголодавшихся людей. Пятигорская новая, свободная газета даже напечатала интервью повара одного из этих домов, специалиста по приготовлению форелей, доставлявшихся туда в особых автобассейнах.

Но это были мелочи, будировавшие лишь обывательские проявления ненависти к насильникам и грабителям, на фоне непримиримой ненависти к большевикам, которая накопилась в душах кавказцев всех наций и народностей. В горных теснинах глухо рокотали раскаты великого, справедливого гнева...

Стихийное возникновение антисоветских партизанских отрядов началось почти во всех прилегавших к фронту районах. Особенно энергично развивалось оно в Чечне, Дагестане и Ингушетии. В эти отряды вливалось много бойцов и даже командиров разбитых красных частей. В Нальчике при приближении немцев вспыхнул удачный для восставших военный бунт. Перебив политруков, более двух тысяч красноармейцев перешли фронт с оружием в руках. Глухо волновалась даже состоявшая под особым покровительством диктатора, родная ему Грузия, несмотря на то, что она всегда обильно снабжалась промтоварами, и коллективизация, сплошная для прочих частей СССР, достигла там всего 57%. Тем не менее, военно-грузинская дорога в августе, сентябре и октябре 42 г. подвергалась беспрерывным ударам со стороны засевших в горах отрядов, и красные передвигались по ней лишь крупными эшелонами под охраной танков и броневиков. Значительные силы антисоветских грузинских партизан накапливались в лесах Боржома и окрестностях Сухума. Позже, когда надежда на вторжение немцев в Закавказье была уже потеряна, часть этих партизан, около трех тысяч человек все же вышла мелкими партиями на оккупированную территорию, пробравшись через Архыз и Красную Поляну, причем в числе вышедших было несколько высших грузинских партийцев и даже член ЦК компартии Грузии. Инициатором и душой этого характерного для тогдашних настроений Кавказа эпизода был старый подпольщик, три раза бежавший из когтей большевиков и приговоренный ими к смертной казни инженер Гар-дзе.

Осенью 42 г., когда с приходом немцев на Кавказ, его народы были убеждены в том, что ненавистному коммунизму пришел конец, что душившая их петля порвана, отдельные искры российского «резистанса» (истинно российского, а не такого в котором русские по фамилиям Ступницкие и Говоровы играли более чем сомнительную роль) вспыхивали повсеместно: в Осетии, в Черкессии, Аварии, Микаян-Шахае, Баталпашинске, Нальчике...

Раздуть и слить их в один мощный очаг, зажечь пламенем антисоветской борьбы весь Кавказ, казалось бы, было прямой задачей германского командования... но оно не сделало этого.

Берлин, опьяненный легкими победами над не желавшими сражаться, деморализованными частями красной армии, приписывал их всецело своей стратегии. Берлин, именно он, откуда нависала над Кавказом мрачная тень Альфреда Розенберга. Там, несмотря на все заверения фронта, не хотели понять того, что порывы горских народов Кавказа были антисоветскими, но не антирусскими, что эти народы стремились не к самостийности, но к единению с Россией... а это не входило в фантастические планы «мифотворцев XX века».

— Дайте возможность сплотиться и драться с общим врагом здесь, на своей земле и за свою землю. — Взывал Кавказ, в горах которого до 1936 г. не прекращалась упорная вооруженная борьба с поработителями.

Немцы охотно принимали повстанцев и перебежчиков и отправляли их вглубь Германии для формирования, а оттуда в Грецию, в Боснию, Италию и даже на

Атлантический вал... Один из таких батальонов был в числе последних защитников Ля Рошели и своей стойкостью изумил американцев, наивно предложивших ему «отправку на Родину» по капитуляции. Тенденция розенберговской клики (вопреки требованиям командования кавказской армейской группы) направить антибольшевицкое освободительное движение народов Кавказа в антирусское русло, поднять зеленое знамя Газавата времен Шамиля, дали обратный результат. Начиная с ноября 42 г. партизанское движение горцев стало затихать, а между тем, если бы к этому времени пожар на Кавказе разгорелся и была бы перерезана стратегическая «нефтяная» жел. дор. линия Баку-Астрахань, то сталинградская битва приняла бы, несомненно, иные фазы... и это было вполне возможно...

Несостоятельность ставки на сепаратизм, её фантастика для народов Кавказа обнаружилась с особой яркостью в последовавшие военные годы. Несмотря на агитацию издававшейся в Берлине шовинистической газеты «Газават», несмотря на организацию целого ряда «восточных национальных комитетов» и энергичную поддержку их Розенбергом (при отсутствии русского комитета), командующему добровольческими формированиями ген. Кестрингу все же пришлось «уступить» национальные восточные (кавказские и среднеазиатские) батальоны общерусскому освободительному («власовскому») движению по энергично выраженному желанию самих батальонов.

«Гольдфазанов» Розенберга — чиновников восточного министерства на Кавказе не было. Они не успели туда доехать, и там, где у командования армии были развязаны руки и оно могло ликвидировать колхозы (как, например, в Карачае) сопротивление советам принимало массовые всенародные формы, что и вызвало впоследствии поголовную ссылку этих народов в Сибирь.

Не было абсолютно и советской «партизанщины». Она не вспыхнула даже в период отступления немцев. Все попытки агентов Берии создать ее удушались в корне самим населением, не шедшим ни на какие провокации. Засланный в Ставрополье испытанный партизан гражданской войны ген. Книга не смог организовать там ни одного красного «партизанского» отряда, и сам едва ускользнул от выследивших его казаков.

Тем не менее, уже в октябре стало ясным, что расчет немцев на молниеносное завоевание Кавказа своими силами и на прорыв к Баку безнадежно провалился. На все требования о подводе резервов Берлин отвечал отказом: сталинградская мясорубка поглощала все наличные силы. Восточная группа армии ген. фон Клейста, докатившись до Грозного, стала; западная, менее двух дивизий, бессильно топталась под Туапсе. Войска, распыленные на огромном протяжении Кубани и Терека, были фактически настолько слабы, что горсть черноморских краснофлотцев, засевшая в штольнях Новороссийского цементного завода, так и досидела в них до отхода немцев, продержавшись в осаде около пяти месяцев.

Только полная деморализация советских войск в Закавказье не позволила им перейти в наступление и уничтожить занявшую северный Кавказ группу германских войск.

«Осткриг ист ферлорек»[5] ... — мрачно бросил в кругу близких к нему офицеров генерал-полковник фон Клейст. Эта фраза прозвучавшая, как «мементо мори»[6], просочилась в армию, а оттуда в среду русских.

— Война на востоке проиграна. — Лучшие немецкие генералы понимали это еще тогда, когда 22 из 26 районов Сталинграда были в руках немцев, и Гитлер кричал из Берлина:

— Сталинград должен быть взят и будет взят...

Война на востоке, а с нею и вся война в целом была проиграна не вследствие военных неудач, — их еще не было тогда, — но в силу непонимания немцами духа народов России, тесно связанных между собой и спаянных своим прошлым в единый грандиозный монолит. Пример вторжения германской армии на северный Кавказ — яркая иллюстрация этой спайки.

+ + +

В той войне, страхом перед которой охвачен теперь весь мир, кавказский участок будет, несомненно, играть особо важную роль. Пусть стратеги, разрабатывающие планы этой войны, внимательно изучат все детали пятимесячного пребывания немцев на Кавказе, глубоко вдумаются не только в условия физической стратегии кавказских гор, но и в сущность той духовной стратегии, познания психологии населения этих гор и горе тем, кто повторит ошибки «мифотворцев XX века».

---

[5] «Война на востоке проиграна» — нем.

[6] Транслитерация латинского «memento mori» — «помни о смерти» — ред.

V. ОНИ И МЫ

Индивидуальное и массовое зверство в качестве одного из основных методов борьбы не раз прокламировалось самим Гитлером, и было бы полной нелепостью оспаривать свидетельства нюрнбергского процесса[7], но такой же нелепостью будет и безоговорочное обобщение в одно неразрывное целое немецкого народа и возглавлявших его нацистов, как это делал, например лорд Ванситарт. Подобное смешение было бы однотипно знаку равенства, поставленному между русским народом и коммунизмом, что, к сожалению, и делают еще многие из иностранцев в наши дни. Но этот знак может быть условно поставлен между Гестапо и НКВД и то лишь условно, ибо правильно сказал Черчилль, что нацизм был лишь скаутской организацией по сравнению с большевизмом. Дахау и Бухенвальд — ничтожные деревушки по сравнению с концлагерями СССР, набросившими свою тень на одну шестую часть мира...

Геббельс, узнав об «обобщениях» Ванситарта, записал в своем дневнике «Ванситарт для нашей пропаганды — сущее золото. Ему следовало бы поставить в Германии памятник с надписью: Англичанину, который по время войны лучше всего послужил германскому делу».

Не будем желать себе таких памятников, тем более, что есть еще много людей, называющих СССР Россией... Требуя правды по отношению к себе, будем и сами стремиться к ней.

\+ + +

Дождливый октябрьский день. По улицам Ставрополя уныло бредет партия пленных, взятых в боях под Грозным. Серые, землистые, истомленные лица... Густая, нередко седая щетина на давно небритых подбородках. Клочья грязных изношенных шинелей и бушлатов. Сапог нет ни на одном, изредка видны разбитые

[7] К сожалению, Борис Ширяев не указывает, где и когда А. Гитлером прокламировалось (и притом неоднократно) «индивидуальное и массовое зверство в качестве одного из основных методов борьбы». Ни в книге «Моя борьба», ни в публичных выступлениях Гитлера нам ничего похожаго отыскать не удалось. Здесь налицо механическое повторение штампов послевоенной антигитлеровской пропаганды, изображавшей вождя Третьего Рейха извергом рода человеческого. Это же касается и уверенности автора в невозможности «оспаривать свидетельства нюрнбергского процесса», тогда как сейчас совершенно очевидно, что этот процесс был мерзким фарсом под еврейской режиссурой, и ценность добытых на этом процессе «свидетельств» примерно такая же, что и на знаменитых сталинских показательных процессах 30-х годов. «Свидетельства» этого судебного спектакля находятся в кричащем противоречии со свидетельствами самого Бориса Ширяева, но автор почему-то этого не замечает. — прим. ред.

ботинки, большинство в портках, есть и босые. Идут понуро, стадом, с трудом волоча истомленные ноги.

Конвой — солдаты украинского батальона с «жовто-блакитными» шевронами на рукавах немецких шинелей.

Из ворот выбегает девочка и сует одному из пленных краюху серого хлеба. «Геть видселя, бисова душа» — замахивается на нее конвоир. Он вырывает у красноармейца хлеб и бросает его в грязь. — «Шайзе, давно ли ты сам был таким?.. стыдно!.. ты отнимаешь кусок хлеба у своего брата». Это кричит по-немецки проходящий фельдфебель горных стрелков. Он поднимает хлеб, отдает его пленному и, ворча, идет дальше.

Голод в лагерях военнопленных, особенно первые месяцы войны, — неоспоримый факт. Бывало и нередко бывало, что попавшие в плен красноармейцы проводили первые десять дней под открытым небом, за проволокой, не получая ни грамма пиши. Многие погибли.

Рассмотрим бегло несколько цифр. За пять первых месяцев войны, с начала её до отступления немцев от Москвы, было взято в плен свыше 4-х миллионов человек, т. е. количество пленных вдвое превышало наступавшую армию. Наступление протекало в таком темпе, что собственные кухни не поспевали за передовыми частями. Отступавшие красные уничтожали не только военные и продовольственные склады, но и запасы общественного пользования. Собственных пищевых ресурсов населения не было даже в колхозах, которые как правило, в СССР, к лету обобрали под метлу. Могло ли германское командование в обстановке напряженных боев на широчайшем фронте, оторвавшись на тысячи километров от собственных баз, установить правильное снабжение этой громады пленных?

В 1943 г. и позже картина была уже иной. В крымских лагерях военнопленный получал 300 грамм казенного хлеба плюс 100 грамм от татарско-русской благотворительной организации, т. е. на 80 грамм больше немецкого солдата (320 грамм). Для добровольно перешедших были там организованы особые улучшенные лагеря, которые, по уровню своих бытовых условий, намного превышали рабочие поселки советских новостроек. Обстановке и порядку офицерского лагеря для перебежчиков в Симферополе позавидовали бы многие из ДиПи[8] наших дней.

Избиение в лагерях такой же реальный факт, как и голод. Били и крепко били, главным образом за кражи в кухне и у товарищей, меньше — за отказ от работ. Бывали и жестокие несправедливые избиения, но характерно, что при внимательном

[8] ДиПи — русифицированная транскрипция английского сокращения DP — Displaced Person (Перемещенное лицо). Так в англо-американской зоне оккупации Германии называли жителей СССР и Восточной Европы, оказавшихся после войны по тем или иным причинам на Западе. «Перемещенных лиц» заключали в специальные проверочные лагеря с тяжелыми условиями проживания, где после проведения допросов и очных ставок решали, разрешить такому человеку остаться на Западе или выслать его назад в советскую зону. — прим. ред.

опросе пострадавших почти всегда обнаруживалось, что виновником зверства оказывался не немец, а... «брат славянин», поляк пли галичанин, которых немцы охотно брали в качестве переводчиков и низшего административного персонала. Что побуждало их к этому: сознательное стремление к провокации или, слепая, звериная ненависть к «москалю»?

Но возвращаемся в Ставрополь. Через три дня после занятия города стены домов запестрели объявлениями комендатуры о регистрации всех евреев. Их оставалось в городе немного. Волна беженцев с запада с приближением фронта покатилась далее на восток и осела на побережье Каспия. Большинство евреев, занимавших сколь либо значительные должности, также уехало. Оставалась мелкота.

Советская пресса и радио, беспрерывно кричавшия о немецких зверствах всех порожденных воображением Эренбурга видов, ни одним словом не обмолвились о действительном, реальном зверстве— поголовном истреблении евреев[9]. Причины этого молчания понятны: антисемитические настроения, особенно в армии, развившияся в СССР вследствие яростной антирусской национальной политики, проводившейся самим Сталиным с 1918 г. (когда он был «Наркомнацом») до 1938 г., были настолько сильны, что подобное сообщение могло бы вызвать обратную реакцию и во всяком случае мысль: бьют не нас!..

Ставропольские евреи не знали о неотвратимой гибели, и многие из них, обремененные семьей или жалкими остатками имущества, остались, надеясь отделаться лишь знаком желтой звезды. Они погибли, и, когда по городу поползли шепоты о газовых камерах, многим стало не по себе, хоть и привыкли к массовым избиениям города Сев. Кавказа... Близь каждого из них есть сравненные с землей могилы, в которых лежат сотни и тысячи расстрелянных казаков, офицеров, интеллигентов... русских... И множится год от года их число, но велико долготерпение русской души и близки ей заветы всепрощения.

Виселицы на ставропольском базаре не было, но в Кисловодске это сооружение стояло, и висели на нем два бандита, вырезавшие семью в семь человек. Перед уходом из Ставрополя немцы расстреляли бургомистра Красносельского и несколько человек из верхов городского самоуправления, уличенных в хищениях, провокационных вымогательствах и сношениях с красными. Вот и весь синодик пятимесячного пребывания немцев в Ставрополе. Никаких репрессий по отношению к оставшимся в городе коммунистам не применялось, и они, оставшись и встретив

[9] Здесь и далее автор некритически повторяет запущенную после войны лживую легенду о якобы имевшем место на захваченных Германией территориях поголовном уничтожении жидов в пресловутых «газовых камерах». В действительности потери еврейского гражданского населения за все время войны едва ли превысили полмиллиона человек, при этом ни один из них не был отравлен газом. Большинство евреев умерло от голода и болезней в лагерях и гетто, значительная часть стала жертвами воздушного террора англо-американцев, а несколько десятков тысяч польских и румынских евреев, из числа попавших в 1939-1940 гг. под власть Сталина, погибли в советских концлагерях как «шпионы» и «буржуазно-националистический элемент». — прим. ред.

«освободителей» выдали им, как стало известным потом от перебежчиков, не мало «врагов родины», виновных перед ней лишь продажей пирожков на базаре...

Казачье, и не только казачье население ждало большего, ждало и хотело. Но нацисты, прокламируя борьбу с коммунизмом, что и влекло к немцам русских, не видели, не хотели видеть врагов в самих коммунистах.

Быстро выработался общий жаргонный язык из смешения русских и немецких слов, зародился даже специфический фольклор

«Варум тебя я ждала...

Варум ты не пришел...

Цвей штунде я дрожала,

А с неба вассер шел..

распевали русские девушки,

«Нету хлеба, нету яйка,

Ауф видерзейн хозяйка...

вторили немецкие солдаты и по вечерам вместе танцевали под звуки быстро растекшейся по Ставрополю «Лили Марлен». Рождалась и любовь. Жизнь по своим нерушимым законам, и молодость имеет свои неотъемлемыя права. Только бездушный, озлобленный филистер может обвинить в отсутствии патриотизма русскую девушку, полюбившую ловкого, подтянутого, молодцеватого немецкого гренадера, склонившегося, несмотря на строжайший запрет самого фюрера, пред, хотя и одетой в линялый ситец, но все же внучкой Татьяны Лариной и Лизы Калитиной...

При отступлении многие из этих девушек, пробираясь всеми правдами и неправдами, последовали за своими возлюбленными, и теперь в баварской деревушке или уютном городке рейнской долины не редкость встретить «русскую фрау». В среде интеллигенции сближение шло иными путями. Несмотря на запрещение бывать в русских домах немецкие офицеры, особенно говорившие по-русски, охотно проводили вечера в русских семьях. Истосковавшиеся по свободному слову и свежей мысли остатки русской интеллигенции жадно глотали эти дуновения ветерка с запада, приносившие порой вести о близких, ушедших туда

22 года назад... Немцы охотно помогали утолить эту жажду. Именно в присланных им из дому посылках прибыли в Ставрополь и Симферополь первые книги Краснова, Шмелева, Солоневича и др. Их рвали из рук, читали вслух ночами, собираясь группами по 10-15 человек.

Факт появления этих книг, разоблачающих большевизм — оповещал советского человека, отрезанного от мира, о том, что «там», в закрытых от него, далеких свободных странах звучат голоса, рассказывающие о его страданиях, есть сильные смелые люди, кричащие о том ужасе, в котором они живут... они, его братья, не забыли о нем.

Большинство немецкого офицерства понимало трагедию русской интеллигенции. Особенно глубоко ее чувствовали те, кто раньше имели связь с Россией. А таких было немало даже среди высшего командования. Сам командующий генерал фон Клейст имел родственников в старой Москве, фон Клейстов боковой линии, обрусевших, но все же связанных со своими германскими кузенами. Генерал Кестринг был военным атташе в Петербурге, говорил по-русски языком «отцов командиров» дней минувших и дружил в молодости со многими офицерами Императорской Гвардии. Крупный нацист д-р Маурах вырос в Крыму и именно он, при отступлении из почти окруженной Керчи, снял с перегруженных автомобилей немецких солдат и посадил на их место власовских офицеров,

— Нам, немцам — сказал он, — угрожает только плен, а им, русским, — петля...

На Кавказе и в Крыму, где влияние розенберговских «гольдфазанов» было ничтожно и управление находилось в руках военного командования, внимание к русской интеллигенции проявлялось особенно ярко. В Малороссии было иначе: там, наоборот, ставка Розенберга на самостийность вела к всестороннему подавлению русской интеллигенции и подмене ее проходимцами, полу-интеллнгентами «щирой» ориентации.

В Ставрополе, несмотря на то, что медицинский, педагогический и зоотехнический институты не работали из-за отсутствия взятых в красную армию студентов, вся профессура получала жалование и паек. Об этом постарался венский проф. Краузе, взявший ее под свое покровительство. В Пятигорске была обеспечена пенсией старушка Шах-Гирей, в силу отдаленного родства с М. Ю. Лермонтовым. В Крыму получали пенсию и помощь престарелые художник-баталист Самокиш, племянница Достоевского, старый флаг-офицер императорской яхты «Штандарт» князь НН и многие другие. Всем им была дана возможность выехать при отступлении. Достоевская вывезла даже ценный семейный архив, который позже погиб в Берлине, под бомбами американцев.

В эти страшные годы смятений и метаний жизненный фильм крутился с потрясающей быстротой, и теперь в памяти всплывают лишь отдельные, особенно глубоко запавшие кадры. Надо понять то, что после неисчислимых и потрясающих своей бессмысленной и безрассудной жестокостью зверств большевиков, в среде

немецких войск, невзирая на абсурдную политику Розенберга и его клики, русские люди встречали сплошь и рядом человеческое отношение, а среди немецкого офицерства нередко уважение и любовь к исторической России.

Пусть те, кто пытался заклеймить «новую» эмиграцию позорными кличками «предателей Родины» и «пособников немцам», установят весы своей совести, если она у них осталась! Пусть они бросят на одну чашу всю тяжесть крови и слез, пролитых русским народом, всю горечь скорби и унижения, испитую им, а на другую — те капли сочувствия и сострадания, которые увидел он (от кого же ?!) от врагов, пришедших с огнем и мечом. Стрелка весов укажет им тогда, почему русские люди покидали родину вместе с отступавшими немцами, почему шли они не только в армию Власова, но и под знамя со свастикой, почему они перерезывали себе вены консервными банками, когда их связанными влекли на «зовущую родину» и гнали туда штыками и прикладами.

Подлинный русский «резистанс» развивался именно здесь, хотя и в политически уродливых, но **единственно возможных в то время формах.**

VI. СИСТЕМА ДОКТОРА ШУЛЕ

— Хотите посмотреть этот берлинский «квач»?

Доктор Эрнст Теодорович Шуле развернул на столе пресловутую карту Великого Рейха. Густая коричневая краска заполняла всю среднюю Европу и растекалась на восток до Оки и Волги. Здесь на ней густо чернела надпись: «Остланд», а где-то в северо-восточном углу еле заметными буквами по розовому фону — «Руссланд».

— Как вам это нравится?

— Но, ведь вы сами, герр доктор, уже сказали «квач», чушь, нелепость... Я не противоречу. Скажите лучше вы, зачем печатают эту чушь?

— Потому что это и чушь и, вместе с тем, абсолютная реальность, лишь изложенная чрезвычайно упрощенно, топорно, по-лубочному, как вы, русские, говорите. Вы не знаете немцев и никогда их не поймете. В каждом из нас заключены мощный воинственный тевтон и нежный мечтательный Вертер. У вас — «две бездны», у нас — две скалы, гранитная и хрустальная. Обе они вместе дают уравновешенную систему мощной творческой науки, в которой под управлением не одного, а целой династии солдатских королей, гениальных коронованных фельдфебелей вырастали столь же гениальные мечтатели: Гете, Шиллер, Шуберт ... Таков результат системы!

Чтобы ни говорил, что бы ни делал доктор Шуле, система с ним неразлучна. Он — воспитанник того самого Кенигсбергского университета, где говорят, до сих пор еще бродит тень гениального выразителя этой системы, автора «критики чистого разума», Эммануила Канта. Окончив университет, д-р Шуле стал журналистом. Система привела его в Москву, на должность начальника прессбюро германского посольства. Здесь он также систематично изучал Россию, её язык, культуру, историю, людей и, надо сказать, добился прекрасного результата: говорил по-русски с еле заметным акцентом, но абсолютно правильно, чувствуя непонятные даже многим русским тончайшие оттенки языка, для изучения быта предпринимал рискованные поездки без дипломатического паспорта. Случалось попадать даже в клоповник провинциальной милиции, о чем д-р Шуле вспоминает с особым удовольствием, т. к. в нем он особенно обогатился сведениями о быте непонятной страны.

— Так вот, — продолжает он, — для этих тевтонов с мекленбургских ферм или из-за берлинских прилавков нужен этот грубый аляповатый квач физического господства, завоевания, покорения. Они — двухмерные, и им понятны лишь площадь, плоскость... Но есть и третье, а если хотите, и четвертое измерение, и подлинное завоевание шло и идет в его плане.

— Взгляните на вашу историю, — глаза д-ра Шуле становятся круглыми, теперь он сам — тевтон, — государственность принесли вам варяги. немцы. Петр Великий смог осуществить Империю только при помощи немцев, заметьте, — не французов или англичан! Род вашего гениального Пушкина «вышел из прусс», Тургенев сам признает, что он более немец, чем русский. Загляните в ваши дворянские книги, кого там больше, Шаховских и Волконских или Фредериксов, Корфов и Паленов? В армию! На одного Суворова приходится десять Тотлебенов, Минихов, Барклаев! В промышленность...

Возражать фанатику своей системы столь же бесполезно, как спорить с радио или граммофоном...

— Вот по каким путям шло и идет это завоевание. Его окончание предрешено и оно близко! Но бюргер этого не поймет. Ему нужна вот эта карта. В нем его мечта о мировом господстве, нежная Шарлотта Вертера в образе, понятном лавочнику и бюргеру. Вот, тут-то квач становится реальностью. Фюрер это великолепно понимает, ибо он сам стопроцентный немец, сочетавший в себе колоссального тевтона с непомерным мечтателем Вертером. Поэтому с ним все немцы!

— Пути путями. Открывать и выяснять их — дело будущих историков, а вот скажите, герр доктор, где после победы Германии станет пограничный столб?

— О, это — деталь... — воинственный тевтон уступает место Вертеру, — 150 лет Россия и Германия жили в мире и дружбе и создались две великих страны: Россия Александра III и Германия, теперь Третий Рейх. Пусть это вас не волнует... — воин окончательно превращается в мечтателя, — всем будет лучше. Настанет счастливая жизнь, «глуклихес Лебен...»

Система д-ра Шуле была абсолютно правильна в отношении его самого. Тонкие нервы сентиментального Вертера тесно сплетались в его душе с воловьими жилами воинственного тевтона, и этот клубок завязывался тугим узлом всемогущего для немца «орднунг» — приказа, порядка, дисциплины. Воинственный философ доказал это своей жизнью и смертью. Когда немецкия войска перешли обратно восточную границу, д-р Шуле ушел со своего спокойного тылового поста и вступил в ряды действующей армии. В Италии, через несколько часов после капитуляции, он был убит случайным снарядом, вероятно последним на этом фронте... судьба!

Прожив среди русских 10 лет, немецкий доктор философии многое в нас понял и многое искренно полюбил вертеровской половиной своей души. Он чутко и охотно помогал русским везде, где на пути не стоял «орднунг».

— Несчастный, многострадальный город, — сказал кто-то из русских, глядя на развалины Севастополя.

— Несчастные многострадальные люди этого города, — поправил д-р Шуле, и в его вертеровских глазах блеснули неподдельные слезы.

Но лишь только появлялся «орднунг», сентиментальный мечтатель бесследно исчезал, и на его месте вырастал тупой до потери здравою смысла ефрейтор, не видящий ничего, кроме приказа. При эвакуации Кубанского предмостного укрепления, когда на восточном конце уже достроенного моста через Керченский пролив саперы уже взрывали понтоны, на западной его стороне такие же саперы методично докрашивали деревянные перила моста, — там приказ об окончании работ не был еще получен.

В этой всеподчиняющей системе таились одновременно и сила и слабость немецкой армии.

Но в отношении России и русских какая-то шестерня немецкого мыслительного механизма давала неправильное число оборотов, точность нарушалась, и вся работа шла насмарку.

Да, верно русская история, наука, промышленность пестрят немецкими именами. Более того, в них блистают имена грузина Багратиона, серба Милорадовича, румына Кантемира, француза Ланжерона и пр. и пр. и пр. вплоть до полубурята ген. Л. Г. Корнилова...

Кто они? Россияне. Другого ответа быть не может. Не грузин, а русский генерал Багратион пал за Россию на Бородинском поле, не немец, а русский ученый Даль смог составить свой замечательный словарь и великий русский патриот Корнилов до конца выполнил свой русский солдатский долг! Назвать их иначе было бы также нелепо, как зачислять Св. князя Владимира в норвежцы... Своей непомерной центростремительной силой Россия включала их в свою культурно–историческую орбиту, как гигантский смерч втягивает и пар облаков и воду океана... включала не только одиночек, но целые народы.

Этого не могли понять авторы ошибочного в своей основе «восточного плана». Даже в случае победы Германии, покорение России нанесло бы ущерб лишь ей самой: устремившияся в «Остлянд» массы избыточного населения во втором поколении стали бы уже русскими и потерянными для Фатерлянда. Так было на протяжении 1000 лет. Усвоение России извне невозможно ни в политическом, ни в культурном, ни в расовом плане. Ошибались розенберги всех видов, ошибались русские, боявшиеся этого «покорения» (и просмотревшие в силу этого, главного врага), ошибутся и розенберги дней грядущих!

Д-р Шуле бывал ближе всего к истине в своей системе, когда говорил:

— Вы, русские, женская нация, но не волнуйтесь и не обижайтесь, это очень хорошо, в здоровой семье мать сильнее отца... таков закон...

Состав служащих отдела пропаганды, возглавлявшегося д-ром Шуле, был подобран из говорящих по-русски и имевших в прошлом связь с Россией, сам по себе опровергал его систему и расовые основы «Восточного плана». Его секретарь,

пожилой зондерфюрер считал самым счастливым временем в своей жизни — службу в Вятке.

— Я был там бухгалтером у г-на Егорова, — говорил он с долгим немецким вздохом, — как это было хорошо!

Ход мировой истории разбил вдребезги план Розенберга на арене Европы. Извилистые течения личных жизней опровергли систему д-ра Шуле в его же семье, его жена живет сейчас где-то близ Вендлингена, её ближайшие друзья — русские «ди-пи» из соседнего лагеря; оба его сына предпочитают говорить между собою по-русски и зовут друг друга Колей и Иванушкой. Так же называет их мать, а себя — Ириной Мартыновной.

VII. ВЕЛИКИЙ ИСХОД[10]

Пока немецкое наступление развивалось успешно, слухов и шепотов, которыми привык питаться советский обыватель, не было, но, как только продвижение германской армии прекратилось, агентство ОБС («Одна баба сказала»), как иронизировали недоверчивые, начало работать вовсю. Это не было действием советской агентуры. Группа советских патриотов ушедших в подполье, была настолько незначительна, что могла лишь изредка расклеивать по стенам рукописные прокламации, призывавшия к верности Сталину и коммунизму и составленные настолько бездарно, что местная газета нашла возможным опубликовать полностью текст, снабдив его сатирическими примечаниями.

Шептали рядовые обыватели, и именно это было ярким и верным симптомом надвигавшегося перелома. Рождество и новый 1943 год отпраздновали еще шумно и весело. Четыре возобновленные Ставропольские церкви были полны молящимися. Служили молебны и по домам. В окрестных колхозах и совхозах усиленно «браковали» прежде общественный, а теперь неизвестно чей скот, и базар был завален мясом. Цены постепенно снижались под давлением конкуренции. Новоявленные коммерсанты, преимущественно армяне, — навезли вина и самогона из Прасковеи и Буденновска (Св. Креста). Горели елки, доставленные немцами из Теберды для своих солдат, но после традиционного немецкого сочельника унаследованные их русскими знакомцами. Пахнуло подлинными русскими святками, а не большевицкими «новогодними праздниками», с трескучим и хвастливым подсчетом «достижений» на пустой желудок...

Но это был финальный аккорд нараставшего в течение пяти месяцев оживления города. В первые дни нового года из уст в уста поползли тревожные фразы:

Немцы уходят, эвакуация... что будет...

Радости от «освобождения» мало кто ждал. Всех страшили возможные бои за город. Городских пугала также неминуемая расправа за службу у немцев, в чем никто не сомневался; колхозников — ответ за порезанный общественный скот; новые торговцы вспоминали лишенское и концлагерное похмелье, последовавшее за НЭП-ом... Те, кто успел за эти месяцы заложить какую-то основу своего благосостояния, — открыть столовую, начать торговлю, заняться кустарным промыслом, — в ком зародилась надежда на сносную человеческую жизнь, те смотрели на отход немцев как на свою личную катастрофу. А таких было большинство. Эти пять месяцев город жил не за счет жалких окладов немецкой службы, повышенных по сравнению с советскими лишь на 20 % (тоже одна из

[10] Стремясь к сохранению полной истины в своих очерках, автор должен оговориться, что данный очерк, правдиво рисующий отход из Ставрополя, характерен лишь для средней и восточной частей северного Кавказа, где отступление проходило без нажима красных. В Краснодаре и Армавире картина была уже иная, а в Ростове и Батайске отход был катастрофой для населения. Характеристика же самих уходивших из Ставрополя не составляет исключения. Состав «новой» эмиграции был везде в основном одинаков. Принудительное выселение из городов (Воронеж, Херсон) имело место там, где предполагались уличные бои. — Б. С.

нелепых ошибок немцев), а питался еще недозрелыми, по уже ощутимыми плодами раскрепощенного труда и свободного развития личной инициативы.

Схожие настроения господствовали и в деревне. В декабре немцы собрали в Ставрополе крестьянский съезд, прокламировав на нем возвращение к частной, единоличной собственности и объяснив сохранение колхозов как меру временную, вызванную лишь невозможностью произвести раздел земли в обстановке военных действий. Это было понятно крестьянину, и он согласен был ждать, тем более что реквизиции зерна не превышали 20 % урожая (колхозник при советах отдавал 80%), а реквизиции скота шли исключительно за счет обобществленного стада, абсолютно не касаясь личной собственности, наоборот известная часть общественного скота перешла частным владельцам. Иногда раздавали сами немцы, но в большинстве случаев — стихийно.

О возможности возврата помещичьих земель, а так же и о розенберговских планах колонизации не было и речи. Поэтому и в колхозах, а особенно в казачьих, где немцы «гарантировали» возврат к дореволюционным формам казачьего землевладения, слух «немцы уходят» прозвучал похоронным колоколом по возрожденной, но несбывшейся мечте.

Бегство одиночек началось с первых чисел января 1943 г., за две недели до объявления эвакуации. Бежали те, кому удавалось тем или иным путем заручиться какой-либо бумажкой подходящего содержания и с немецкой печатью. Большинство не теряло надежд на возвращение: слишком силен был еще гипноз немецких побед, и отступление казалось лишь временной их неудачей.

Весной вернемся, — говорили уезжающие, раздавая на хранение свой скарб. Многие оставляли семьи, переместив их в глухой угол. В это же время начали прибывать беженцы с востока, из Буденновска и районов прилегающих к Нальчику и Грозному.

Из Сальских степей под водительством своих родовых старшин и буддийского духовенства прошли калмыки. От Микаян-Шахары и Черкесска (бывш. станицы Баталпашинской), с Зеленчука и даже глухого Архыза двигались обозы черкессов и адыгейцев. От Кисловодска, прямо на Тамань, тянулся длинный обоз карачаевцев... В кубанских станицах сбивались в группы, готовясь к отлету, казаки.

Кто уходил?.. Во-первых, горская интеллигенция, формировавшаяся в советский период из потомков аульной аристократии — мелких горских «князей» и узденей, — принявшая советизм лишь внешне, но сохранившая в значительной мере семейные и племенные традиции мусульманского Кавказа: Крым-Шамхаловы, Шарафудиновы, Галиевы, Сафаровы... Многие из них занимали крупные посты в местных областях и республиках, состояли даже членами партии, принужденные к тому в силу жесточайшей в СССР борьбы за «место под солнцем», но в душе накапливали непримиримую ненависть к большевизму, ненависть беспрерывно подогревавшуюся поголовным истреблением НКВД целых семей их родичей (напр. Дудоруковых, Лоовых, Бидалаковых). Эти уходили с семьями, на подводах, забрав незатейливый скарб советского горожанина.

Ярким примером такого типа был погибший позже в Лиенце доцент Гукемух, черкес, серьезный исследователь и знаток кавказских наречий, неутомимый собиратель фольклора, выехавший на трех подводах, захватив не только детей и родителей, но целую плеяду свояков и свояченицы. За ними шла масса горского

крестьянства, в большинстве призывных возрастов (было много дезертиров и укрывшихся от мобилизации). Старики оставались или уходили со скотом в горные теснины и на сырты. Эти шли налегке: крестьянин имущества от земли не оторвет. Большинство в долгом пути, влившись в немецкие национальные формирования, меньшинство докатилось до Фридлийских Альп (Толмеццо и Триеста), иногда на колесах походным порядком.

Обе эти группы по своей политической идеологии отнюдь не были самостийниками, за исключением единиц, делавших карьеру. Более того, основная их часть была настроена ярко монархически, своеобразно, чисто по-кавказски сочетая имперскую идею с национально племенными традициями адата и шариата, корни которых в аулах большевизм вырвать не смог.

Печальная участь ждала и уходивших и остававшихся. Первые шли, чтобы в результате погибнуть на полях Нормандии, в бункерах Ля-Рошели, в горах Боснии и Кроации или позже быть выданными на смерть; вторые оставались, чтобы после недолгого разрозненного сопротивления никем не поддержанные, быть поголовно уничтоженными на месте, или после переселения всем племенем, — в сибирской тундре...

Также, обозами шли на станцию Крымскую, надеясь переправиться по льду через Керченский пролив и остатки кубанского казачества, которого сохранилось в станицах не более 10% от населения 1914 г. Они группировались, главным образом вокруг есаула Белого, чудом уцелевшего первопоходника, в районе Краснодара и выше по Кубани — вокруг молодого, уже советского, инженера М. Земцова (оба погибли). Здесь наблюдалась та же картина, что и у горцев: молодежь и средний возраст уходили, старики и большая часть женщин оставалась при хозяйствах. Таков же был и финал этой борьбы, подлинного русского «резистанса». Гибель казачьей молодежи в Эльзасе и на Рейне (Шварцвальд, 5-ый казачий запасный полк), в Хорватии и Далмации (казачий корпус ген. фон Паннвица) и — семьи, старики, дети, — в сев. Италии (район г. Толмеццо, «Казачий стан» ген. Доманова).

— Вечная память… Вечный покой...

13-го января новый ставропольский бургомистр — Павлов объявил эвакуацию города и начал энергично готовить авто-обоз. Старый земский работник, дельный и твердый, он сделал все, что мог, и достиг многого. Паники не было. Русская полиция, бывшая под командой старых казачьих офицеров, оставалась на местах до приказа отступить и ушла организованно, сохраняя воинский порядок. Много помогали и немцы, беженские поезда отходили по дважды в день, и все зарегистрированные к отъезду получали документы для снабжения их в пути полным солдатским пайком. Все служившие принимались к вывозу беспрепятственно, посторонние по предъявлении документов и чьей-либо (русской или немецкой) рекомендации. Насильственного, принудительного вывоза из кавказских городов не было, хотя из Воронежа и городов Донбасса подобные сведения поступали.

Вьюжными и морозными днями 14-21 января 1943 г. в полуразбитых вагонах, на платформах, на подводах и даже пешком с мешком за плечами, устремлялись в темную, ничего не сулившую неизвестность российские люди всех наций, религий, возрастов, состояний, моральных и психических обликов, профессий, всех степеней культуры, здоровенные молодцы и едва соскочившие с больничных коек, старики и

дети... Все они уходили, потому что оставаться им по разным, причинам, но в одинаковой степени было абсолютно невозможно.

Действовали два сверхмощных психологических рычага, естественное, неизживаемое стремление личности к свободе, раскрепощению, самоутверждению и страх перед неизбежными репрессиями, которых ожидали все, ибо все достаточно узнали истинное лицо коммунизма за 25 лет, особенно на Кавказе.

Стояли лютые морозы. По заснеженным трактам на Армавир и на Кавказскую тянулись бесконечные обозы. Вот закрученный башлыком до глаз, старый доктор Шульц, акушер, принявший на свои руки, чуть ли не половину ставропольской молодежи, спасший сотни жизней матерей и детей. С приходом немцев он не бросил своего врачебного поста и кроме того был избран председателем комитета поощрявшейся немцами «зимней помощи». Он знает, что ждет его на том и на другом пути и все же едет со старухой женой, оставляя трех сыновей в красной армии. За ним следом двигается тяжело нагруженный воз пригородного колхозника Сумина. Это ловкий мужик, оборотистый. Лишь собрался в городе первый базар, — он уже торговал мясом «приблудного» скота, какого было много брошено при отступлении красных, жена готовила малороссийские колбасы, а через месяц Сумин с двумя молодцами проворачивал дело в собственной лавке, а она стояла за прилавком собственной же закусочной с подачей водки... Их обгоняет отряд всадников, у некоторых за плечом винтовки, у других вместо седел — укрученные ремнями одеяла… стремяна веревочные.

Сторонись… казаки с Беломечетки идут. — А ведет их сельский учитель, он же уральский казак, дутовец, скрывавшейся 20 лет под чужой фамилией...

Распахнулась замкнутая дверь, так идем в нее, чтобы ни ждало впереди...

Попомним краснюкам пролитую казачью кровь, посожженные дедовские курени, распаханную станицу Полтавскую... (При начале коллективизации огромная ст. Полтавская, отказавшаяся единогласно вступать в колхоз, была окружена, разрушена артиллерийским огнем, и самое место её было распахано. Погибло свыше 10.000 чел., в их числе женщины и дети). Эх, батьку Шкуро бы сюда...

Тянутся по дорогам обозы, крутит поземку колючий ветер. Наметает он сугробы между составами на железных рельсах. Первый день эвакуации, 15-го января станция Ставрополь была забита; стихийно, хаотически метались между вагонами, теряли багаж, лезли на пустые платформы... Потом увидев воочию спокойную методичность и четкость немецкой дисциплины, планомерный отход поездов в указанные сроки, и услышав о том, что красные не наступают, а лишь следуют за отступающими, успокоились.

Вот в специально предоставленный вагон грузится редакция местной газеты: секретарь Б-в с неразлучной с ним матерью Николаевной; сам он просидел 2 года в тюрьме без предъявления обвинения, искалечен на допросах, брат — пропал без вести в северных концлагерях; у редактора Ш-ва за плечами 13 лет ссылок и соловецкой каторги; жену фельетониста К-ва арестовали по доносу соседки за два дня до прихода немцев и угнали неизвестно куда; с ним одиноким, осиротевший 8-милетний сынишка.

Долгий и страшный счет за загубленные годы, за изломанные жизни, за раздавленные, задушенные в корне проблески талантов, могут предъявить

революции эти люди и не страх за свою шкуру гонит их в метельную неизвестность, но зовет голос того, что там за мятелью...

— Господин редактор, пустите меня в ваш вагон... у вас свободно, я сапожник с Подгорной, ботиночки вам починял, сделайте милость, нас с женой только двое...

Иная, но тоже раздавленная жизнь: стучал человек целый день молотком на своей обувной фабрике, ударничал, соцсоревновался, как полагается, выполняя сверхурочные, ликвидировал прорывы и авралы, а, придя домой и наскоро поев картошки без масла, снова садился за работу и тайно — нельзя ведь — частником объявят — шил «модельные лодочки» для базара, шил до вторых петухов, очень уж хотелось, до зуда в ногтях, хотелось своего маленького счастья. Коровы, домишки в пригороде, тюлевых занавесок на окнах. За эти пять месяцев впервые в жизни, глотнул он радости свободного труда... и не смог снова идти в кабалу, ушел в мятель...

Рядом три вагона грузятся семейными беженцами. Это уезжает детский хор, вместе с родителями его юных певцов. Народ пестрый, разнообразный во всех отношениях: тут и интеллигенты, и рабочие, и пригородные колхозники. Когда немцы, освоившись в городе, начали «ремонтировать культуру», к ним явился ловкий учитель пения из советского «дома одаренного ребенка» и предложил организовать детский хор.

В каждом немце, вплоть до самого Гитлера, содержится известная доза примитивной наивности. Разве не было, например, полета Гесса в Англию... Организация детского хора в только что завоеванном городе показалось им необыкновенно сильным пропагандным трюком. Хормейстеру К. были тотчас же отпущены средства, гарантированы повышенные пайки. Он собрал своих уже обученных пению ребят и через неделю уже концертировал с программой русских песен.

Вундербар... Гросартиг... Как талантливы эти русские... Весь генералитет аплодировал юным певцам, и когда была объявлена эвакуация, хормейстеру К. предложили везти всех детей в Германию вместе с их родителями, гарантировав снабжение, жалование и турне по всему Фатерланду.

То, что ловкий хормейстер К. втер очки немцам, — только забавный анекдот, но то, что из 27 семей хористов 24 решили уехать и уехали, показатель большого значения. До чего же должна быть тяжелая жизнь в «счастливейшей» стране для её рядовых граждан, если они, — в массе, а не одиночки, — жадно хватались за подобное, очень сомнительное и шаткое предложение, лишь бы выскочить из захлестнувшей их мертвой петли. Вслед за редакцией уехала половина наборщиков, все печатники и цинкографы. Они двинулись в путь по-хозяйски, захватив лучшие шрифты, цинкографы, линотип и даже 2 тонны бумаги. Отбор, упаковка и погрузка этих материалов производилась по собственной их инициативе, добровольно и безвозмездно в тревожные, горячие, последние часы. Старый печатник, начавший работу еще в «Биржевке», трудился наравне с вихрастым комсомольцем цинкографом. Руководил метранпаж Тершуков (убит красными в Румынии), бывший коммунист, уезжавший с женой, бывшей партизанкой. Остающиеся помогали уезжающим. На прощанье обнимались и выпивали «посошок». Антагонизма между обеими группами не было. Рабочие электростанции и многих других производств, также уезжали целыми коллективами.

Так формировалась «новая» эмиграция. Она резко отличалась по своему составу от волны 20-го года. Процент старой интеллигенции, а тем более остатков имущих групп, «недорезанных буржуев» или «внутренней эмиграции», как называли их большевики, был в ней очень невелик. Немногим больше был и процент новой, советской, профтехнической интеллигенции, типа Кравченко; позже он возрос за счет пополнений из числа военнопленных. Основную массу уходивших составляли колхозники и рабочие, главным образом те, кто имел специальность, допускавшую возможность работы вне фабрики.

Если «старая» эмиграция имела при своем отъезде какое-то расплывчатое общее политическое лицо, относительное единство, то «новая» не имела ни того, ни другого. В нее входили все протестанты от коммунистов-антисталинцев до матерых монархистов-державников. Сколь либо ясного политического идеала не было почти ни у кого. Было лишь стремление к нему, надежда найти его за пеленой мятели. Этот поиск был особенно ярок среди молодежи. Твердыми, идейно-действенными борцами против советизма во всех его проявлениях можно считать лишь некоторые небольшия группы уходивших: старую интеллигенцию, казачество, часть колхозников, особенно горских.

Что же объединяло эту разноликую, разнохарактерную, разноязыкую смесь...

Ответом послужат слова рожденной революцией и оказавшейся пророческой песни:

«Цыпленки тоже хочут жить»...

VIII. ОДИН ИЗ МНОГИХ

Этот рассказ записан мною уже шесть лет спустя после описанных в нем событий, в южно-итальянском лагере ИРО[11].

Мы, пятеро русских, сидели за очередной чисткой картошки и, как полагается, строили воздушные планы эмиграции в самые разнообразные экзотические страны. Василий Иванович, бойкий, речистый паренек лет тридцати, окинул нас смеющимся взглядом степных голубых глаз:

— Бросим, друзья, об этом... В зубах навязло! Давайте я лучше вам р**о**ман своей жизни расскажу (именно «р**о**ман», говорил он, с ударением на первом слоге).

Мы изъявили полное согласие.

— Так вот... кто я на самом деле, мне самому сейчас непонятно: завербованный ли насильно немцами «остарбейтер», военнопленный дезертир или какой иной «враг родины». Этого, пожалуй, и сам «отец народов» не разберет. Папашу моего в свое время раскулачили, мене же своевременно забрали в армию. Воевать за обожаемую народную власть я, конечно, особой охоты не имел, и, когда под Киевом в окруженье попали, предпочел единоличное состояние и подался в колхозный подсолнух, — он, как раз, доспевал тогда. Сижу, лущу, наблюдаю, а вечерком, когда немцы уже километров на 15 вперед ушли, и я вылез, хохлы в колхозе оказались душевные, дали мне пиджачишко, удостоверение личности и шматок сала кило на два.

Зажил. По профессии я печник, каменщик и штукатур — работа везде найдется. Прошло год и поболе. Работал в Донбассе, кладу печь хозяйке и вижу: дело дрянь — немцев повернули. Газет я, конечно, не читал, а так, из разговоров... Кончаю печку, а уже артиллерию слышно!

— Прощайте, хозяюшка, — говорю, — завтра до зари ухожу! Она мне, конечно, двух курей на дорогу сжарила, полсотни яичек, хлеба... жить можно.

Вышел, гляжу, а немцы уже провода сматывают... иду проселочком, догоняю дамочку; видимость интеллигентная и в руке чемоданчик, спрашиваю:

— Откуда будете, гражданочка и куда следуете?

— Папу-маму! — говорит, — советы захватили, — а я иду одна, — куда не знаю... зовут меня Наташей. — Идемте на пару, совместно, — говорю, скоро на тракт выйдем.

Только вышли на тракт, видим, немецкий комендант обоз греков ведет, — всей колонкой уходят... жены, дети, скотина. Наташа моя сейчас же к нему, по-немецки с ним говорит, на ноги показывает. Он ее к себе на тачанку сажает, а я с греками иду, разговариваю.

— Это жена твоя, что ль? — спрашивает грек, — смотри! — вижу, Наташа моя уже с немцем в обнимочку едет.

Дошли до Песковатки. Село большое, три колхоза; до ночи еще далеко, солнце, как говорится, на три сажени, а стали. Наташа — ко мне, сигарет несет и шоколаду.

---

[11] ИРО — русская калька английской аббревиатуры IRO (International Refugee Organization) — Международной организации по делам беженцев, занимавшейся помощью и послевоенным обустройством беженцев Второй Мировой войны.

— Здесь, — говорит, ночевать будем, а вот вам покурить «Фриц» прислал. — Меня — как шибануло: «фрицами» немцев у нас одни комсомольцы звали. Видно, — думаю — не зря ты с комендантом обнималась, и на постой рано стали. Поблагодарил я Наташу, а сам — мешок с воза и в проулок! Всего вам! Ночуйте! А я человек советский и могу окончательно все соображать.

До темки я еще километров с 10 ушел. Захожу в колхоз «Ильич», прошусь ночевать.

— Это можно, — говорит хозяин, — у меня еще пятеро таких ночуют, а завтра сам ухожу, жена одна на хозяйстве останется. Вынимаю я остатки курятины, хлеб, намереваюсь поужинать, а хозяин мне:

— Брось, у нас хватит, сегодня кабана зарезали, потому и задержался…

Поужинали. Полегли спать. Среди ночи хозяин будит:

— Собирайтесь! Песковатку красная армия заняла, я коней разом запрягаю.

А по улице уж и конные и пешие идут; можно сказать, весь колхоз. Иные баб оставляют, иные с собой берут. Рев, крик, а над Песковаткой — зарево!

Мы вшестером (те, с кем я ночевал) как дунули, — за один час не менее двадцати километров отхватили. После узнали: советские танки до зари еще в Ильич вступили. Значит, греки все в Песковатке и остались. Наташа свое задание выполнила...

Видим: гонят гурт скота голов на тысячу.

— Кто такие? Откуда? — спрашиваем.

— Казаки с Каменской, — отвечают, а идем на Мелитополь, там наш казачий сборный пункт.

— А нельзя ли у вас, станичники, говядиной попользоваться, а то мы при спешной эвакуации Песковатки мешки свои побросали.

— Это можно, — говорят, — вахмистр впереди с обозом... Выбирайте любую!

Мы, конечно, по совести: коровку не взяли, а отбили бычка понагульней. Идем дальше. Народу на тракте, как на первомайской демонстрации, только флагов нету. Доходим до Волновахи. Станция узловая, немцев много. Ну, думаем, не может быть, чтоб ее сдали. Здесь крепко. Стали всем своим колхозом у стрелочника, на отлете. Живем. Комендант всех на снабжение принял. Паек хороший, равно как и немцам. Я, конечно, работу нашел, у того же стрелочника печку перекладываю. Начал уж трубу выводить, сижу на крыше, вижу: два мотоциклиста полным ходом от станции идут. Достигли скирды соломы, спешились, и... от скирды черный дым повалил.

Ясно-понятно! Ухватили, что под руку попало и бегом, а стрелочник за нами с тачкой, на ней узлы одеяла, а у жены в руках гусь и гусынек. Добегаем до станции, а там уж и немцев не осталось, один мотоциклист. Мы к коменданту. Он по-русски чисто говорил. Кругом него толпа, как на базаре, и все с барахлом.

— Дело ваше плохо — объясняет комендант, — красные глубокий прорыв произвели и не более как через час в тылу уже путь перережут. Сейчас последний поезд пропускаю. На одну минуту его для вас задержу! Только на одну минуту! Больше не могу. Садись, кто успеет.

И действительно поезд на всех парах идет. На наше счастье — не вагоны, а платформы. Почти все заскочить успели... и пошел! Сзади громыхает, — мотоциклисты пути и станцию рвут, а мы летим, как только рельсы выдерживают!

Но на 20-й версте все же под обстрел попали. Однако, без потерь, на наше счастье путь не по насыпи, а по выемке шел.

Пришли в Днепропетровск. Там все пути составами забиты и беженцев, что пчел в улье. У кантины, где маршферфлегунг (походное питание — ред.) выдают, очередь день и ночь, и, обратно же, днем и ночью налеты. Нам это, конечно, ни к чему. Мы своим колхозом пешком пошли. По дороге разбитая машина с немецкими сапогами попалась. По пять пар штифелей (ботинок — ред.) забрали, а ночью на состав со снарядами сели и до Вознесенска поехали. Там я на службу поступил: Сыроваренный завод ремонтировать. Жалованье хорошее: 1500 марок в месяц на солдатском пайке, и работа подходящая, не по-советски — без нормы. Работали мы здесь до самой эвакуации, и как начали немцы шухериться, — мы уже привыкли, понимаем, — идем к шефу: «так и так — пожалуйте расчет».

— Деньги получить можете, — отвечает шеф, — однако с работы вас не отпущу, теперь вы — остарбайтеры и поедете в Германию.

Сначала мы испугались. Хотели уже тикать, но, рассудив между собой, решили:

— Впереди хорошего нет, а сзади еще хуже. Куда б там, в Германии, мы ни попали, все ж сталинской кабалы не будет! А там — увидим...

Только вместо Германии мы чуть-чуть совсем даже наоборот не поехали. Наш состав, — человек до 1000 остарбайтеров — кто-то в тупик задвинул. Полагаю так, что здесь без совпатриотов дело не обошлось. В это время на Украине они большую активность выявляли. В городе уже бой идет, а мы стоим. Мы — к коменданту...

— Какой состав, — говорит, — нет такого состава, — когда же удостоверился, объявляет: — даю вам обещание, что через 10 минут паровоз будет!

А тут уже пулеметы по путям бьют. Мы было разбегаться хотели, вдруг видим, идет паровоз, на тендере немцы с зениткой. Через момент покатили!

Вторая часть «романа жизни» Василия Ивановича, не входит в рамки этих очерков. Бог был милостив к нему: работал он под Дрезденом и после капитуляции попал к советам, но снова предпочел «единоличное состояние» и без знания языка, без карты, пешком, избегая проезжих дорог и селений, побежал на юго-запад и после многих рискованных приключений неожиданно для самого себя очутился в Италии. Здесь был изловлен англичанами и доставлен в советский лагерь, из которого бежал, перерезав проволоку садовыми ножницами, принесенными католическим священником.

Тема для романа не хуже «Пармского монастыря», но будет время, когда новый Стендаль этот роман напишет.

Василий Иванович хотел, и поэтому он смог. Это старая система. Но почему хотел он, рабочий, выросший уже в советской обстановке, этого прыжка в темную неизвестность? Что влекло миллионы таких же Василиев Ивановичей к более чем сомнительному будущему на чужбине? Что привлекало в нем?

Их ничто не влекло к нему, и ничто не привлекало. Будущего не было, и они не ждали его.

Их гнало вперед прошлое, пережитое властно толкало их сзади.

Истинный и единственный лозунг русской эмиграции 1942-45 гг.

— Хуже не будет! Хуже не может быть.

IX. В ЦАРСТВЕ «ЗОЛОТЫХ ФАЗАНОВ»

В первой половине 1943 г. Мелитополь — еще глубокий, спокойный тыл. Фронт, после Сталинграда, закрепился на Донце. Самолеты красных не тревожат. С Крымом, Николаевом, Херсоном и Днепропетровском — регулярнее жел. дор. сообщение.

Город почти не тронут войной. Он достался немцам без боя, причем население почти за неделю было извещено листовками с самолетов о дне и часе вступления германской армии. Целы и окрестные тавричанские колхозы. Их поля засеяны почти по довоенной норме, работают мельницы, маслобойни, крупорушки… но по карточкам выдают не хлеб, а сырое кукурузное тесто... и больше ничего. Рабочим иногда дают еще кости, хотя, по словам крестьян, рогатого скота в округе даже прибавилось, — осели гурты, которые при отступлении красные гнали из Новороссии.

Ставки зарплаты сохранены советские, т. е. не представляющие теперь никакой реальной ценности, но в городе никто не голодает.

Чем же живут? Спекуляцией и воровством. В мешках, ящиках, на подводах, на немецких грузовиках в город свозят масло, сало, яйца, муку... Главные покупатели — Берлин, Прага, Вена. Туда везут вагонами, в которых удельный вес реквизированных товаров незначителен по сравнению с частными грузами.

Центр торговли — гебитскомиссариат (окружной коммиссариат — ред.) восточного министерства Альфреда Розенберга. Ближайшие филиалы — украинизированный магистрат и земельное управление.

Серый армейский «униформ» уже давно уступил здесь место элегантному коричневому мундиру гражданской администрации. Количество всевозможных абтейлюнгов (отделов — ред.) и бюро превосходит даже нормы советской бюрократии. Чтобы получить литр смазочного масла или кило гвоздей прямым путем нужно не меньше десяти штемпелей и подписей, за «мзду» — мгновенно. Торгуют не только продовольствием, но разрешениями на провизию, на отъезд в Германию и наоборот — освобождениями от вербовки туда же на работу... торгуют и товарами немецкого интендантства: полотнами, обувной кожей, медикаментами..

Армия видит эту свистопляску и философски констатирует:

— У нас первый разряд людей — на фронте, второй — в промышленности, а здесь — третий.., но глухое раздражение против «гольдфазанов» неуклонно нарастает. При отступлении оно нашло выход: комендатура «забыла» не успевших удрать заранее чинов гражданского управления, и часть их, попав в плен к красным, была перевешана.

«Гольдфазаны» действуют строго по инструкциям восточного министерства: прежде всего всемерное поощрение самостийных тенденций, хотя Мелитополь причислен к Крыму, а эта жемчужина лишь манит петлюр всех рангов, но им не обещана, — нужна самому Рейху. Но искоренять русское начало нужно уже теперь. Поэтому магистрат украинский, театр также, в суде, — у гражданского управления есть и свой суд для мелких жуликов и гражданских тяжб, — делопроизводство на «мове», но газета русская, выяснилось, что украинскую никто не понимает, а пропаганда нужна.

Охарактеризовав «гольдфазанов», как людей третьего сорта, германские армейцы не погрешили против истины. Состав наводнивших Малороссию чиновников Розенберга был в основном таков: верхи состояли из партийных нацистов, но взятых не из крепкого волевого ядра партии, а из примазавшихся к ней бюрократов и авантюристов, низы — из работников, выделенных учреждениями по процентной норме в порядке мобилизации. Ясно, что ни одно учреждение не желало расставаться с лучшими служащими и давало отброс. Политическая и чисто деловая организационная безграмотность «гольдфазанов», их полное незнание России, не только её внутренней, духовной жизни, но и её экономики, даже элементарной географии превосходили всякую меру. Именно из их среды вытекал тот нелепый курс немецкой восточной политики, который создал партизанщину и, быть может, более чем высадка в Нормандии, способствовал разгрому германского восточного фронта. Характерно, что в местностях, находившихся под управлением военного командования, как правило, партизанщины не было. Она возникала лишь с переходом власти к гражданскому управлению и прогрессивно усиливалась по мере отдаления от фронта[12].

Не было в среде розенберговцев и того высокого патриотизма, который стимулировал все действия армии, непоколебимого сознания своего долга, готовности к подвигу. Шкурничество, шиберство доходили здесь до невероятного цинизма. На востоке германская армия не только не имела обеспеченного тыла, но была принуждена вследствие действий восточного министерства выделить значительные силы для защиты «тылового фронта».

Увидав колхозы, «гольдфазаны» пришли в полное восхищение:

— Идеал! Замечательная система! Ее нужно сохранить во что бы то ни стало!

Но «немцы 3-его сорта» не сумели воспользоваться даже этой подаренной им Сталиным, готовой системой снабжения. Русский мужик мгновенно раскусил своих новых хозяев:

— Ну, до наших-то партейных вам далеко. От тех зернышка не спрячешь... На три аршина под землю смотрят, а вы?

Продукция колхозов, маслобоен, крупорушек растекалась по многим каналам, но по тому, о котором мечтал Адольф Гитлер, захватив юг России, шла едва ли одна

[12] Автор повторяет типичное заблуждение, широко распространившееся среди русской эмиграции после Второй Мировой войны, о неправильной политике Розенберга как первопричине так называемого «партизанского движения» на оккупированных территориях. В действительности на подчиненных Розенбергу территориях советская партизанщина (правильнее, все же, именовать это движение бандитизмом) наблюдалась только в южной части рейхскомиссариата «Остлянд» (на севере Белоруссии) и в северной части рейхскоммисариата «Украина» (на юге Белоруссии и в Полесье). В южной части Украины и на территории Прибалтики никаких партизан не было. Напротив, именно зоны армейской оккупации, где, по словам автора, политика немцев была гораздо более правильной, зачастую представляли собой форменные очаги партизанского бандитизма (Брянская, Смоленская, Орловская, Псковская области; район Витебск-Орша-Бобруйск). Все это показывает, что дело было не в немецкой политике, а в степени осовеченности тех или иных территорий. Бандитизм развивался не «по мере отдаления от фронта», а там, где среди населения был особенно велик процент «совков», этой отвратительной породы двуногих, которые не только не желают «избавления от горького мучительства безбожной власти», но напротив только при такой власти могут и хотят существовать. — ред.

десятая возможного. Организованное ограбление «унтерменшей» оказалось «мифом XX века». Составы, подвозившие военные материалы на восток, шли обратно наполовину пустыми. Ни хлеба, ни металла, ни угля не смог, не сумел доставить Рейху Розенберг. Беспрерывное, бестолковое вмешательство в жизнь страны лишь тормозило развертывание её производительных сил. Румыны, давшие в Одесском округе полную свободу частной инициативы, получали оттуда значительно больше. У немцев же мертвящий социалистический принцип подавлял потребности нации и превращал их блестящую организацию в мелочный бюрократизм.

Столь же бесславен был провал национальной политики Розенберга. В малороссийской, а тем более в новороссийской разноплеменной (греческие, болгарские, сербские, немецкие поселяне) деревне ставка на украинский сепаратизм просто не была замечена. В городах она вызвала к жизни и привела к местной власти авантюристические элементы полуинтеллигенции, в которые немедленно всосалась советская агентура. Самостийные магистраты Мелитополя, Алешек и Николаева в период отступления немцев выявили свою советскую сущность настолько ярко, что большая часть их состава была расстреляна Гестапо. Шовинистическая украинская пропаганда, центр которой, — украинское агентства печати, находившийся в г. Ровно, не пошел дальше чисто советского по форме и содержанию восхваления Гитлера, зажеванных комментариев к Шевченке и площадной ругани по адресу «жидо-москалей», причем в первом ряду этих «жидов» фигурировала вся династия Романовых.

Не удались и украинские национальные военные формирования. Их удельный вес в германской армии был значительно ниже казачьих и мусульманских. Слабость их боевых качеств вынудила немцев пользоваться ими лишь для жандармской службы, но и здесь они не оправдали надежд мифотворца: дезертиры из именно этих частей заложили кадры специальной «украинской» партизанщины, действовавшей под лозунгом: «против советов и против немцев». Пополнением этих кадров послужили скрывшиеся от принудительной вербовки на работы в Германию, авторство которой принадлежало также восточному министерству. В областях, управлявшихся военным командованием, например, на Сев. Кавказе, вербовка велась без принуждения, на чисто добровольных началах и дала лучшие для немцев результаты: безработная молодежь, прельщаясь выдававшимся обмундированием второго срока, и солдатским пайком в дороге, а также и стремлением повидать Германию, шла охотно[13]. Свобода вербовки порождала уверенность в дальнейшей свободе труда.

Из всех авантюр Третьего Рейха авантюра с созданием самостийной Украины была наиболее беспочвенной и наименее удачной. Вряд ли что-либо значительное,

[13] Борис Ширяев ошибается. Авторство идеи завоза иностранных рабочих в Германию принадлежит не Восточному министерству, а министерству вооружений и боеприпасов и рейхсмаршалу Герману Герингу, отвечавшему за выполнение четырехлетнего плана. Непосредственной вербовкой также руководило не Восточное министерство Розенберга, а Имперский уполномоченный по трудовым ресурсам Фриц Заукель. Вербовка велась не только на территории СССР, но и во всех европейских странах, находившихся под германским контролем. Она везде была как добровольной, так и принудительной, причем к последней немцы прибегали тогда, когда добровольная вербовка не давала нужного количества рабочих рук. — ред.

полученное от нее, смогли записать немцы в свой актив, а вред, нанесенный им ею, был очень крупен. Именно она открыла широким слоям населения южной России глаза на истинные цели Гитлера, который был встречен сперва как действительный освободитель, и послужила сильнейшим стимулом к повороту на 180°.

Характерно, что армия сознавала весь вред для Германии, причиненный политикой Розенберга. В последний год войны в ней ходил такой анекдот:

«Сталин, предвкушая победу, обсуждает с союзниками план расправы с побежденными врагами.

— Гитлера, — повесить, Гиммлера, — конечно, повесить. Гесса — тоже... Розенберга?! Да, что вы, уважаемые союзники! Ведь это же наш лучший друг; именно ему мы обязаны нашей победой. Ему — высшие ордена от всех нас!

X. FECI QUOD POTUI![14]

Принято считать русскую прессу, выходившую в оккупированных немцами областях и возникшую в самой Германии столь же лакейской по отношению к Гитлеру, какой являются сейчас всевозможные «Сов. Патриоты», «Русские Новости» и т. п. по отношению к Сталину.

Ставить тех и других на одну и ту же лакейскую доску, хотя и на службе разным господам, не приходится уже потому, что товарищи Ступницкие ныне благоденствуют, питаясь от плодов своей работы, в то время как Тарусские, Гусевы, Давиденковы, Польские, Болдыревы, Тершуковы и многие другие журналисты, работавшие во имя России в тягчайших условиях гитлеризма, заплатили жизнью за свою работу. Мир их безвестным могилам!..

В области пропаганды у немцев действовали две независимыя друг от друга и временами соперничавшия, системы: одна — армейская, действовавшая в областях, находившихся под военным управлением, другая — гражданская, розенберговская, тыловая. Первая, в общем, ограничивалась лишь военной цензурой, допускала лишь русский язык, охотно снабжала возникавшия независимые издательства «трофейной» бумагой, допускала свободное развитие политической мысли, категорически пресекая лишь трактовку двух вопросов: о Российском единстве и о Российской монархии, но абсолютно не требовала панегириков Гитлеру; вторая же пыталась руководить русской мыслью, навязывала свои программы, была придирчива, стеснительна, на юге России вводила совершенно непонятную для коренного населения «мову» и культурно, и организационно стояла много ниже первой, так как в ней, как и по всему тылу, работали «немцы 3-го сорта»[15].

На северном Кавказе русская пресса возникала стихийно, в большинстве городов через 2-3 дня после изгнания большевиков. Во главе пропагандного отдела наступавшей моторизованной армии, стоял бывший русский летчик, потом германский полковник фон Манер, говоривший о русских — «мы», а о немцах — «они». Из применения этих местоимений ясно и его отношение к ставропольской газете, первая передовица которой началась словами:

— «Христос Воскресе... Осени себя крестным знаменем, православный русский народ...»

Весь тираж этого номера был расхватан за полчаса, и пришлось дать повторный оттиск... Люди плакали, читая газету: «Наша, наша, русская, беспартийная газета...»

Первые два номера «делали» два оставшихся профессиональных журналиста, позже к ним примкнула часть профессуры и дилетанты, среди которых выявился

---

[14] Я сделал, все, что мог — лат. Полностью это крылатое латинское выражение звучит так: Feci quod potui, faciant meliora potentes — Я сделал, все, что мог, пусть кто может, сделает лучше (прим. ред.).

[15] Автор не совсем точен, и снова находит «зловещую тень Розенберга» там, где ее не было. На территории Рейха и в оккупированных им областях, находившихся под гражданским управлением, всеми вопросами печати занимался не Розенберг, а соответствующие отделы министерства просвещения и пропаганды д-ра Геббельса. В ведении Розенберга находились лишь официозы Министерства восточных территорий и издания различных национальных комитетов. — прим. ред.

талантливый фельетонист «Аспид», до того деливший советские годы между ссылкой и бухгалтерией.

Весь состав редакций выходивших в Ставрополе трех советских газет бежал, причем главный редактор Огурцов прихватил и 186.000 руб. заработной платы рабочих типографий. Этот большевицкий долг был позже покрыт беспартийной антисоветской газетой.

Вслед за Ставрополем, возникли тем же порядком газеты в Пятигорске, Краснодаре, Буденновске и даже в таких мелких центрах, как Кавказская, Баталпашинск, Невинка... В иных работали бывшие коммунисты и комсомольцы, которых немцы охотно привлекали. И, надо признать, работали честно, не пытаясь протаскивать коммунистические идейки.

Сочувствие читателем «своей» газете можно определить тем, что за все время (5 месяцев) своего существования, ставропольская газета, выходившая под конец 20-тысячным тиражом, не имела ни одного непроданного номера, при полном отсутствии бесплатных подписчиков и агентов распространения, при плохом сообщении с районом, в то время как советская «Орджоникидзевская Правда» имела в городе лишь 10-12 тысяч подписчиков при принудительной подписке. Ставропольской же газете принадлежит честь основания казачьей прессы, судьба которой столь же трагична, как и судьба остатков казачества. Вот вкратце история этой драмы.

Ко всеказачьему празднику Покрова 1942 г. ставропольское «Утро Кавказа», ставшее тогда уже ведущей газетой Кубани и Терека, выпустило первый в казачьих областях, занятых немцами, специальный казачий вкладыш, «шапкой» которого были слова традиционной кубанской песни:

— «Гей, Кубань, ты — наша Родина...»

В Ново-Николаевской и других ближайших к Ставрополю станицах этот номер был прочтен с амвонов церквей, в Ставрополь тотчас же потянулись делегаты казаков с просьбами о выдаче им оружия и молодой казак-инженер М. Земцов начал сколачивать первый отряд. Немцы поддавались туго: они боялись самостоятельных казачьих формирований, учитывая их русские, не самостийные и, в значительной мере, монархические настроения. Они предпочитали втягивать казачество в свою «фельджандармерию», на что казачество не шло.

Первый казачий вкладыш был выпущен по инициативе бывшего советского журналиста Л. Н. Польского, — этому листку и было определено судьбою стать стержнем казачьей прессы, а Польскому трагически погибнуть на своем посту.

Пример Ставрополя был подхвачен Краснодаром и позже, при отступлении с Кавказа, Л. Н. Польский в 1943 г. обосновался в Симферополе, где начал выпускать еженедельный «Казачий Клинок».

Казачьей прессой заинтересовался Берлин, и там, под покровительством военной (а не розенберговской) пропаганды, под наблюдением «русского» немца Романа Романовича Штупперих, при ближайшем участии сотника С. Гусева, Евгения Тарусского и ген. П. Н. Краснова, стал выходить двухнедельный журнал «На Казачьем Посту», в котором шли прекрасные очерки по истории Дона П. Н. Краснова, его предсмертное произведение. В начале 1944 г. Л. Польский был вызван в Берлин, где стал выпускать еженедельный «Казачий Клич», там же начала выходить серия литературно-публицистических казачьих брошюр; в многотысячной группе казаков, отходивших походным порядком под начальством Походного Атамана Доманова,

зародилась газета «Земля Казачья» под редакцией подъесаула Болдырева, а в казачьем корпусе фон Паннвица возникла своя газета под редакцией сотника Бескровного.

Все эти издания, за исключением лишь газеты Бескровного, были лишены малейшего оттенка самостийности. Они культивировали российскую идею и рассматривали казачество, как самобытную героическую, но неотрывную ветвь русского народа. Пражские самостийники, попытавшиеся втереться в казачью прессу, были буквально выгнаны ген. П. Н. Красновым, принявшим на себя верховное руководство прессой. «Казачий Клич» Л. Польского проявлял даже тенденцию к слиянию казачества с формированиями ген. А. А. Власова (что пытался осуществить «антикрасновец» — ген. Науменко), которому ген. Краснов не доверял, вследствие нахождения в его окружении лиц, которых он считал сомнительными (например, ген. Жиленков).

В марте 1945 г., когда советские войска перешли Одер, берлинское казачье издательство прекратило работу, и его сотрудники выехали в казачий стан ген. Доманова, находившийся в Толмеццо (Северная Италия). Здесь, 22 апреля 1945 г. вышел последний номер «Земли Казачьей»...

Вся казачья пресса в целом являет собой яркий пример жертвенного и беззаветного служения русских журналистов российской идее, в тягчайших условиях гитлеровской Германии и оккупированных областей. Конец её потрясающе трагичен: глава и идейный руководитель ген. П. Н. Краснов выдан большевикам и повешен в Москве, сотник С. Гусев выдан и убит между Лиенцом и Веной, с ним вместе погиб талантливый новеллист и биолог Н. С. Давиденко, ученик и любимец академика Павлова, оставивший беременную первым ребенком красавицу-жену; Евгений Тарусский повесился при выдаче, инвалид первой войны подъесаул Болдырев застрелился своей единственной рукой; отставший при отходе из Италии Л. Польский был схвачен англичанами, выдан красным и там же погиб, его жена — журналистка Е. Меркулова, узнав о его гибели, утопилась, директор типографии, печатавшей казачьи издания, Тершуков убит красными при отступлении из Румынии. Из 22 журналистов, входивших в последний состав редакции «Земли Казачьей», погибли 19, спаслись трое.

История не только русской, но и мировой журналистики не знает столь же трагического эпизода. Что перед ним гражданская казнь Чернышевскаго при сочувственных криках толпы и открытой подписке в его пользу, рекламные ссылки Горького и Амфитеатрова и даже крепость Новикова и Радищева?..

Но возвращаемся в Ставрополь. В метельную ночь на 21 января 1943 г. выехал на грузовом автомобиле последний русский журналист, выпустивший там накануне последний номер русской газеты. Утром в город вошли красные.

Ставропольским журналистам повезло: благодаря помощи начальника военной пропаганды Юга д-ра Э. Т. Шуле, они были заблаговременно вывезены с их семьями и багажом. Журналисты Краснодара, Ростова, Пятигорска отходили в других условиях, пешком при 20 градусном морозе, бросив жен и детей...

Через месяц все собрались в Симферополе, где развернулось самое крупное на территории освобожденных от большевиков областей русское издательство выходившей там уже второй год газеты «Голос Крыма» под редакцией старого русского националиста А. И. Булдеева, после капитуляции судимого британским военным судом в Германии и оправданного им, признавшим русскую национальную идейность А. И. Булдеева, чуждой и тени продажности или подслуживания к гитлеризму.

«Голос Крыма» был большой литературно-публицистической газетой, выходившей три раза в неделю и расходившейся далеко за пределы полуострова. В силу своей ярко выраженной русской идейности, он даже в Одессе успешно конкурировал с тамошней «Молвой», богатой по информации, но беспринципной и чисто коммерческой ежедневкой. Кроме «Г. К.», издательство выпускало крестьянскую газету, агитационную листовку малого формата для переброски в Красную армию (при посредстве которой туда дошли первые вести о Власове), популярные брошюры, а также толстый журнал «Современник», в котором вместе с работами местных авторов шли перепечатки писателей «старой» эмиграции, как например «Лето Господне» И. Шмелева.

Интерес читателей к зарубежной литературе был очень велик и, учитывая это, многие из южнорусских газет печатали главы произведений П. Н. Краснова, И. Л. Солоневича и др. Немецкая пропаганда не могла (а вернее не хотела) понять значения эмигрантской литературы и засыпала оккупированные области своей наивной и бездарной «агиткой», из числа которой имели лишь некоторый успех (особенно, среди крестьянства) лишь пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», которые просачивались и в красную армию.

Незадолго до занятия Перекопа красными А. И. Булдеев покинул место главного редактора, вследствие столкновения с немецкой пропагандой, происшедшего именно на почве его глубоко русских и монархических убеждений, но «Голос Крыма» продолжал выходить под редакцией поручика РОА Б-ча и был последней русской газетой на свободной от советов территории России...

Русская пресса, возникшая в освобожденных от большевиков областях, конечно, не может быть названа свободной. В дни войны свободная печать немыслима ни в одном государстве. Но она была русской и более свободной в отношении цензуры чем, например, «Новое Слово» Деспотули, пребывавшее в центре внимания самого Розенберга. Немецкая военная цензура была много покладистее и, кроме того, состояла более чем на половину из обрусевших немцев, в прошлом нередко офицеров русской армии, вполне разделявших настроения русских журналистов. Такими цензорами были на юге упомянутый уже полковник Манер, барон фон дер Нольдэ, д-р Маурах, г-жа Л-ц и многие другие.

Эта пресса была ярко антисоветской, и, в силу знания советской действительности её работниками, бившей в цель без промаха. Идеологическая борьба с советским мировоззрением, разоблачение обманов советской пропаганды, раскрытие насильнической сущности сталинского режима, эксплуатации народного труда под маской построения социализма — вот цели, которые она ставила перед собой и шла к ним без препятствий со стороны немецкой цензуры. Вопросов будущего России она не касалась, т. к. в этом неминуемо столкнулась бы с цензурой, да и смешно было бы трактовать эти проблемы в условиях войны и оккупации.

Тем не менее, на это шла «украинская» целиком розенберговская пресса во главе с её центром в Ровно. Борьбу против большевизма она трактовала лишь, как борьбу против «жидо-москалей», против России и уделяла максимум внимания будущей розенберговской же «Украине вид Сана до Дона» и подчас даже не «до Дона», а до Урала и Каспия... борьба же против большевизма, как такового, ею затушевывалась. Славословия Гитлеру и «батьке» Розенбергу в «украинской» прессе достигали сталинско-советского уровня.

Влияние русской прессы на сознание подсоветских масс было учтено подпольной большевицкой агентурой, и она реагировала на него террористическими актами. В Ставрополе и в Симферополе расклеивались рукописные прокламации, обещавшия крупные суммы за головы редакторов газет. В Никополе стреляли из-за угла по журналистам Ш-ну и Ш-ву, журналиста же Ук-ва тяжело ранили пулей.

Эти террористические акты и несколько фельетонов Рыклина в «Правде» ясно подтверждают то, что работа русских журналистов в оккупированных областях была направлена по правильному пути, что она достигала сознания подсоветскаго населения и разрушала в нем гипноз большевицкой пропаганды, что они сделали все, что могли сделать, и работали над созданием подлинного русского «резистанса»...

К 1944 году эта пресса распространилась и на Европу. О выходивших в Берлине власовских «Добровольце» и «Заре» будет сказано особо, но, кроме них, две газеты «Русское Дело», газета Русского корпуса под редакцией Месснера и «За Родину» выходили в Белграде, Н. Давиденко выпускал газету в Париже, ротационные издания выходили во многих лагерях для пленных и для «остовцев» — крупнейшим из таких издательств нужно считать редакционную группу в лагере Вустрау, выпускавшую даже объемистый литературно-публицистический ежемесячник, Ни одно из этих изданий не может быть названо пронемецким, антироссийским, непатриотичным. Все они проводили идеи Русского Освободительного Движения во всей его многогранности, примыкая в той или иной степени к программе А. А. Власова, высказанной позже в Пражском манифесте. Разногласия были, главным образом, в оценке февральской революции, признанной А. А. Власовым под влиянием солидаристической группы его начальника штаба ген. Трухина, и в монархических тенденциях, проскальзывавших, несмотря на цензуру, в «Голосе Крыма», «Утре Кавказа» и в казачьей прессе.

Установить численность этой прессы трудно: газеты возникали, прекращались и переселялись в зависимости от перемещения линии фронта. Наиболее близкой к действительности приходится считать цифру обмена изданиями, достигнутую в 1944 Л. Польским — 26 названий одновременно, в число которых входили псковские, витебские, смоленские, рижские и другие северные издания. Надо думать, что в 1943 г. их было значительно больше, т. к. фронт русской прессы доходил тогда на восток до Тамбова и Воронежа. Вся эта пресса не была розенберговской...[16]

Но была и таковая. Она группировалась вокруг берлинского издательства «Винета», газет не выпускавшего, но печатавшего брошюры анонимных, беспринципных авторов. Влияние её было ничтожно, как слабо было и влияние на массы шовинистических украинских и белорусских газет и кавказско-мусульманского «Газавата». Этот последний анекдотически расписался в своем бессилии, печатая большинство статей по-русски, т. к. на других языках читатели его не понимали. В заключение о «Новом Слове» попавшего в лапы красных Деспотули. Много упреков сыпется теперь на него, и часть их внешне вполне обоснована. Но автору этих строк пришлось видеть в кабинете Деспотули корректурный лист «Н. С.» с Пражским манифестом, искромсанным на куски красным карандашом самого Розенберга, приходилось слышать от Деспотули и от его секретаря Рождественского о той

[16] Общее число «оккупационных» русских газет и журналов, выпуск которых можно считать периодическим, превышал 300 наименований. В это число не входят газеты, издававшияся при различных воинских частях и соединениях. — прим. ред.

напряженной борьбе с Розенбергом, которую приходилось вести за каждый номер...[17] Характерно также то, что «Н. С.» было запрещено в зоне оккупации, а просачивавшиеся туда номера зачитывались до дыр.

Мертвые хулы не имут!..

4 «ЗА РОДИНУ» № 75 Четверг, 3-го декабря 1942 г.

От имени русской православной церкви:

Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы

Германия дарит 1026 православных духовных книг русскому экзархату

В православность большевизму, который разрушил церковь, организовал массовые погромы и даже убийства духовенства, преследовал верующих, — национал-социалистическая Германия не только разрешает любую церковную деятельность, но и поддерживает ее всеми возможными путями. Православная церковь в освобожденных областях взаимодействует свою деятельность под защитой германских вооруженных сил. Это — всейчас доказательство того, что Германия великодушно относится к вере особенности других народов, их культуру. На днях состоялась торжественная передача 1026 Библий, Евангелий и других русской православной Церкви, недоступных для церковных нужд самих русских. Газеты, сообщая этом, видят во от лишь в том, что немецкие

Экзарх-митрополит Сергий знакомится с другими подарками — старинными духовными книгами

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТА «ЗА РОДИНУ» В.Л. МУХИНА.

что они понимают в живой национальной особенности русского народа.

Достопримечательно то, что штаб Розенберга, получивший в своем ведении непосредственно от Адольфа Гитлера поручение — вести духовную борьбу против основ большевистского мировоззрения, передает сейчас церкви 1026 священных книг.

Одновременно с приказом об уничтожении губителя культуры Сталина, Адольф Гитлер издал приказ о неприкосновенности всех действительных культурных ценностей. В Советской России Библии были частью уничтожены, частью — взяты вами с конфискационными надписями в антирелигиозных музеях. Немцы бережно сохраняют эти духовные реликвии, заботливо отыскивают их, ищут не от лишь в этом, чтобы православная

Глава русской православной церкви знакомится дарами в зале Дарений

Мы видим одинаковую борьбу! Поэтому, разрешите, — в виде этих Библий и молитвенников, среди которых больше двадцати очень красивых и старых книг — вручить вам еще одно духовное оружие борьбы, являющееся также и нашей борьбой.»

Митрополит распространенный немецкий дарам, экзарх Сергий выразил от имени православной церкви свою благодарность:

«Благодарю вас за счастие этих священных писаний не только, как представитель православной церкви Латвии, но также и всех церквей России, частью уже освобожденных германской армией, частью — еще страдающих под игом большевизма. Вся страдающая под игом большевизма. Благодарность моя христиан выражается в борьбе с большевизмом. В этой общей борьбе с большевизмом. В этой борьбе, изложенной в то же время борьбе за свободу всех, принят участие не только церковные книги, но и весь народ. Пишем книги, мы благодарим великого германского Фюрера, спасшего Европу от красных захватчиков. Особенно благодарим Адольфа Гитлера, который, в течение тяжелой войны нашел время позаботиться о сохранении культурных ценностей и всего русского Церкви ее имуществе. Мы хотим, чтобы он и впредь как покровительствовал Всевышний, чтобы он и впредь как высокая Адольфу Гитлеру силу к крепкой для окончательной победы над большевизмом.

У матери девяти воинов

Что мы пережили

[17] Очередная неточность автора, вызванная его «розенбергофобией». Газета «Новое слово», выходившая в Берлине с 1934 года и до конца войны, находилась, как и все газеты Рейха, под цензурным контролем 8-го управления («Пресса») Министерства просвещения и пропаганды. Поэтому все конфликты у главного редактора «Нового слова» могли возникать лишь с подчиненными д-ра Геббельса, но никак не с Розенбергом. — прим. ред.

XI. РУССКАЯ!.. РУССКАЯ!..

Огромный интерес, с которым в оккупированных областях читалось берлинское «Новое Слово» вызывался не только желанием узнать политические новости. От этой, единственной эмигрантской газеты, попадавшей в Россию, ждали также вестей от тех, кто давно покинул ее, кто жил и мыслил «там» обособленно, но свободно. Верилось, что «там» не забыли оставленных страждущих, угнетенных братьев, что делается все возможное для их освобождения, что «оттуда» придет меткая организующая сила, могущая переключить борьбу против Советов в рядах немецких батальонов в борьбу за Россию под каким-то еще неведомым, но русским знаменем. Ждали лозунга, объединяющего имени, ждали белых, ждали вождя...

Эти чаяния выражались в смутных слухах о прибытии на Дон генерала Краснова, о предстоящем приезде на Кубань ген. Шкуро, которого там ждали с надеждой, ибо легенды об его лихости циркулировали в советские годы непрерывно не только в казачьей среде... Еще более смутно говорили об «одном великом князе», с которым Гитлер «ведет переговоры».

Истомленная Русь ждала своего Ивана-царевича, не знала, не могла представить себе образа его, но жаждала и звала...

Немцы не только угадывали, но знали это стремление, и именно в силу этого, всеми мерами противились не только проникновению в зону оккупации самих эмигрантов, но и их литературы, прессы, даже столь скромной в выражении национальных стремлений, каким было «Новое Слово». Кадры переводчиков формировались из подсоветских незначительных ресурсов, хотя в Европе было достаточно желающих; в отделах немецкой пропаганды не было ни одного эмигрантского русского журналиста, в армию допускались лишь принявшие германское подданство «фольксдойчи», некоторое послабление допускалось только до 1944 года лишь для «нацмальчиков», как их называли тогда — солидаристов[18]. На Кавказе их не было, но в Крыму и Новороссии — встречались. Немцы допускали их отвлеченную имперскую идею, малопонятную массам, т. к. видели в ней противовес реально понимаемому, ясному для многих монархизму, несовместимому с национал-социалистическим планом агрессии. Тень русского царя была для немцев более страшным «жупелом», чем реальный враг — коммунизм.

Национал-социализм ясно видел накопившуюся в России противосоветскую энергию и стремился использовать ее исключительно в своих целях, пресекая все пути к развитию и реализации общероссийских устремлений и заставляя ее тем самым устремляться в русла сепаратизма, совлекая молодежь в местные национальные формирования (Крым дал туда свыше 40 000 добровольцев) или непосредственно в немецкие войска, куда охотно принимались в качестве обслуживающего персонала подсоветские люди всех национальностей.

В такой обстановке прозвучало имя Андрея Андреевича Власова.

---

[18] Автор не совсем точен. Немцы достаточно широко привлекали в свою армию русских эмигрантов в качестве переводчиков, хотя и отдавали предпочтение местным силам. На Восточный фронт также попадали не одни только германские подданные, но и те эмигранты, что записались в европейские добровольческие войска. Письма этих лиц с Восточного фронта можно прочитать здесь — прим. ред.

Первые вести о нем принесли вернувшиеся из поездки по Германии сотрудники «Голоса Крыма» в конце мая 1943 года...

...В последнее воскресенье этого месяца в Симферопольский собор вошла группа офицеров и солдат, одетых в «фельдграу», но с русскими погонами и кокардами.

— Русская армия... сдержанным шепотом пронеслось по собору.

— Русская!.. русская!.. русская!..

Прибывшие первыми приложились к кресту и остались около священника. Молящиеся крестились на иконы, крестились и, глядя на них, целовали крест, а после … многие целовали потускневшие погоны возглавляющего группу ротмистра, сохранившего их с врангелевских времен. Расспросам не было конца, и к вечеру весь город уже знал о формирующейся в Германии Русской Освободительной Армии.

Имя ген. Власова в Крыму было абсолютно неизвестно, да и вряд ли о нем знали вне его армии и высших командных кругов РККА. Сталин не любит рекламировать своих генералов, даже в период боев под Москвою, в которых Власов играл заметную роль, его имя ни разу не промелькнуло в сводках, ни разу не прозвучало по радио[19].

Русская... русская... русская армия, — неслось по Крыму. Это было главным, подробности — второстепенными.

Через три дня на открытом собрании в большом городском театре Симферополя одним из приехавших офицеров был сделан доклад о зарождении Русской Освободительной армии, была рассказана биография А. А. Власова и сообщены личные впечатления от встречи с ним. Театр был переполнен, были забиты все проходы, и толпа в несколько тысяч стояла на улице, у внешних рупоров микрофона. Докладчик в русском кителе и русских погонах был встречен громовой овацией, засыпан цветами и весь зал поднялся при его входе на сцену. Пришлось встать и сидевшему в первом ряду немецкому генералитету. Россия салютовала погону старой императорской армии, в свое время вырванному с кровью и мясом. В Крыму это помнили лучше, чем где-либо!..

Звание советского генерала А. А. Власова не произвело того эффекта, на который рассчитывала немецкая пропаганда. В некоторых случаях оно вызывало даже обратную реакцию.

— Что ни говори, а советский, — покручивали головами некоторые, — да еще имевший особое поручение в Китае. Туда непроверенного раз десять не пошлют!.. И как это он «вдруг осознал»?.. А до того?..

Характерно, что подобные сомнения возникали главным образом среди молодежи, побывавшей в обработке политруков и узнавшей их методы на личном опыте. В связи с этим вспоминается и другой факт: после Сталинграда ходил упорный слух, что в этом бою красной армией командовал белый генерал-эмигрант которого прислали американцы (называли даже имя Деникина). Слухи, конечно, не подтверждают фактов, но самое их возникновение и окраска служат ярким показателем настроении авторов и

[19] Это не соответствует действительности. Советская пропаганда активно рекламировала красных генералов, причастных к победе под Москвой, в том числе и ген. Власова. Его имя неоднократно упоминалось в сводках, в том числе в победной сводке Совинформбюро от 13 декабря, а в «Правде» и «Известиях» вместе с этой сводкой была помещена и фотография Власова. Главный сталинский пропагандист Илья Эренбург даже специально посетил 20-ю армию, чтобы написать о ген. Власове хвалебный репортаж. Впоследствии этот репортаж был опубликован в «Красной звезде» — прим. ред.

передатчиков, В данном случае, они говорили о том, что Белая армия, покидавшая в 1920 г. берега Крыма под свист и улюлюканье тогдашней России, была бы теперь встречена хлебом и солью на тех же берегах Россиею, омытой слезами и кровью. Но этого по вполне понятным причинам не хотели в штабе Розенберга. По причинам, менее понятным, этого не хотели и в штабе Власова, заменившего в русской кокарде цвет императорского штандарта — красной полосой февральского позора.

Дорого заплатили оба — своими и миллионами чужих голов...

Но слово «русская» все же прозвучало и отозвалось в тысячах сердец..

Тут же на собрании к офицеру-докладчику начали подходить добровольцы.

— Как, у кого записаться в Русскую Освободительную.., — спрашивала молодежь, спрашивали и старики... Некий подпрапорщик П-ко подошел с сыном и 18 летним внуком: — Запишемся все трое... Я тоже куда-нибудь пригожусь, хоть мне и за 60 перевалило.

Через неделю был открыт вербовочный пункт. Открытие сопровождалось парадом, но ни национального, ни андреевского флага вывесить не разрешили. Это произвело тяжелое впечатление, но все же в первый день записалось около тысячи человек. Через некоторое время началась вербовка в рабочих лагерях военнопленных.

Записывалось большинство. В Сочах и Евпатории записались поголовно все пленные, и это не было вызвано голодом, пресловутой «тарелкой супа», которой попрекали власовцев большевицкие агенты всех видов: в крымских рабочих лагерях 43 года пленные получали полный немецкий паек плюс 100 грамм хлеба от благотворительного русско-татарского комитета.

Все лето 1943 г. в Крыму и Новороссии шла нараставшая с каждым днем шумиха вокруг имени Власова и его Р.О.А. Прибыло еще несколько офицеров с нарукавными знаками Р.О.А., призывы звучали и в городах, и в деревнях. Записывались десятки тысяч… Вольные, пленные, татары, армяне, малороссы, солдаты немецких частей и национальных батальонов.., а уехало к Власову лишь несколько офицеров из числа перебежчиков с кубанского участка. Более того, когда красным удалось сбить Перекопскую пробку, Крым попал в осаду, тысячи записавшихся осаждали комендатуру, умоляя вывезти их морем. Удалось выехать единицам.

Остальные?.. Их судьба? Только крайне наивный человек мог бы сомневаться, что их имена не станут известными МГБ!.. — Помяни их, Господи, во Царствии Твоем!..

Крымский эпизод трагической эпопеи Р.О.А. чрезвычайно ярок: в нем подсоветская Россия и розенберговская клика взаимно показали друг другу свои лица. Пропагандный блеф, которым Гитлер хотел лишь ответить на Паулюса и фон Зейдлица, ответить не только Сталину, но и своей собственной армии (главным образом настаивавшему на внимании к русским силам сопротивления генералитету), с первых же строк своей трагической истории вылился в мощное русское, освободительное движение, сметавшее все сепаратистские планы Розенберга...

Это движение для него было страшнее коммунизма.

XII. ДНЕВНИК ПЕРЕБЕЖЧИКА

В первых числах мая 1945 г. в городе Толмеццо, северо-итальянской Фриулийской провинции, автор этих строк искал себе пристанища. Немецкий фронт в Италии уже пал, но американцы, медленно продвигавшиеся с юга по разрушенным горным дорогам, в город еще не вступали. Власти не было. Порядок поддерживали пользующиеся здесь огромным авторитетом католические священники, беспорядок вносили спустившиеся с гор партизаны: зеленые «бадольовцы» и красные «гарибальдийцы» — заросшие волосами, увешанные всевозможным оружием юноши и девицы весьма подозрительного вида. Грабили оставшиеся немецкие склады, а заодно и богатых граждан, расстреливали мало, но арестовывали много подлинных и мнимых фашистов. Особенно бесчинствовал русский (в смысле, советский — ред.) партизанский отряд имени Сталина, состоявший из беглых «остарбайтеров» и немногих местных русских «резистантов». Русским, а их было здесь, в районе расположения «Казачьего стана» много (оставшиеся после отхода ген. Доманова), попадало особенно крепко. Но, к чести итальянцев, этих своих «союзников» в город они не впустили и, только благодаря этому, многие спаслись.

Пристанище нашлось в одном из разрушенных бомбардировкой домов. Отгребая мусор и выбирая пригодные для крыши доски, я наткнулся на видимо зарытый, свернутый в узел немецкий мундир. Погоны были русские серебряные с алым кубанским просветом, без звездочек. Я поднял и невольно встряхнул его. На засыпанный щебнем пол упала пустая пистолетная кобура, пояс и полевая сумка, а в ней четыре толстые тетради дневника, вернее, путевых заметок бывшего капитана Красной армии, а позже — есаула Кубанского казачьяго войска Петрова.

Когда-нибудь, если Господь пошлет, я напишу на основе этих беспорядочных, порою неразборчивых заметок не одну, а несколько повестей о страшном пути русских людей с берегов Дона и Кубани к водам Рейна и По, о блужданиях их в лесистых альпийских ущельях, о приютах в развалинах мертвых городов, о крови, слезах, о нестерпимой боли страшнейшего из одиночеств — одиночества среди людей...

Потом!.. если пошлет Бог!.. а пока ограничусь лишь выдержками из этого дневника, которыми я заканчиваю свои беглые очерки виденного и пережитого.

\+ + +

1943 г. Июль. Крым.

Почему так случилось... Я, офицер РККА, орденоносец, вдруг, не обдумывая ничего заранее, при обходе постов в камышах Кубанских плавней, переменил направление и вышел на укрепленный немцами островок.

Потому ли что Муся и Славик где-то здесь, по «эту» сторону... Но ведь, мне все равно не удастся их разыскать в хаосе войны, да еще будучи в положении военнопленного. Потому ли, что немцы выигрывают воину... Тоже нет. Я был под Сталинградом и после этих боев уверен в обратном.

Мне кажется, что это решение зрело во мне давно, давно, до войны, в комсомольские «вузовские» времена, потому что именно тогда я начал видеть всю ложь, море, океан лжи, в котором мы тонем. Оно зудело во мне, как нарыв... и вот он, наконец, прорвался помимо моей личной воли... но об этом еще надо подумать, а пока перехожу к фактам.

Итак, я послал сопровождавшего меня стрелка на пост С-23, а сам свернул в камыши. Становилось все глубже и глубже. Скоро вода стала выше пояса. Вонь — нестерпимая. Именно сюда течение Кубани выносит наших мертвецов, и они застревают в камышах. Сколько их набито. Ведь мы уже второй месяц безуспешно атакуем изо дня в день немецкий предмостный плацдарм и хоть бы где продвинулись... Гонят и гонят в мясорубку... Впрочем, везде у нас так. И под Сталинградом было то же. Кровью взяли...

Иду прямо на пулемет. Окликнул!!. Ответил, как написано в немецких листовках: Сталин капут...

Разом выскочило из камышей человека три. Я поднял руки. Подхватили и потащили на сухмень. Что-то говорили, но я понял лишь одно слово «официр».

Позвонили по телефону и потом повели по гати, принял лейтенант, очень вежлив: откозырнул и усадил на лавку. Солдат стал стягивать с меня сапоги, потом штаны. Раздели донага... Я думал сначала, что это обыск, но оказалось иное — дали полосатую пижаму, а на утро принесли мою просушенную и вычищенную одежду. Ни погон, ни орденов не сняли, целы и бывшие в кармане деньги, отобрали лишь полевую сумку со всем, что в ней было, и пистолет. Лейтенант мне показывал и то, и другое, пытаясь что-то объяснить, но я, ведь, кроме «гут морген» по-немецки — ни звука...

+ + +

Я уже в Керчи. Везли меня и еще двух перебежчиков, капитана и сержанта, на открытой легковой машине. Сопровождал только один немец с пистолетом, но без винтовки. Сел себе рядом с шофером, а на нас — нуль внимания.

В станице Крымской была интересная встреча. Наш конвоир остановил машину и подозвал проходивших немецких солдат, которые вдруг... заговорили с нами по-русски. Оказалось — казаки с Кубани. Подошел и их офицер, отрекомендовался бывшим экономистом из Пятигорска. Ободряли, советовали поступать на службу к немцам. Что же… Сказавший «а», должен сказать и «б». Надо, конечно, сперва, осмотреться.

А посмотреть есть на что. Через пролив нас везли на моторном катере вдоль строящегося моста. Чертовское сооружение... Нет, пожалуй, Сталинград был только случайностью, а не переломом. Армия, имеющая силу и средства производить подобные постройки, войны не проиграет.

В Керчи меня сдали в разведку. Тотчас же отвели к начальнику. Пожилой немец, по-русски говорит лучше меня. Усадил, угостил немецкой папиросой. Спрашиваю:

— Как вас именовать?

— А зовите меня Петром Ивановичем!.. Я в России родился и вырос...

Допрос меня удивил: не допрос, а интересный разговор о военных действиях на Кубанском фронте. Даже поспорили, и немец, достав карту, разъяснил мне мою ошибку в расположении их артиллерии.

После допроса мы с капитаном Б. попали прямо в веселую компанию. Служащие в этой части русские эмигранты из Болгарии затащили нас к себе, кормили, поили немецкой водкой. Прекрасные, душевные ребята... От наших разницы мало. Пожалуй, как-то покультурнее, поманернее... Когда выпили, я их спрашиваю:

— А скажите, друзья, кто из вас князья, а кто графы?..

Они как захохочут:

— Каждый из ваших нас об этом спрашивает, — говорят. Неужели вы думаете, что в России на всю эмиграцию князей и графов хватило бы?..

— Так все же вы — монархисты?..

— Далеко не все, — отвечают, — а только трое из восьми. Здесь среди нас больше всего нац-мальчиков ...

Кто такие «нац-мальчики», я спросить постеснялся...

+ + +

Вот я и в Симферополе и совсем неожиданно для себя на полной свободе. Случилось это так: утром, после ужина у эмигрантов, нас с капитаном Б. посадили в машину и повезли, ничего не объясняя. Привозят в какой-то большом город и ведут к молодому очкастому немцу. Тут все разъяснилось: мы в отделе пропаганды, сегодня в городском театре большое собрание и мы вызваны в качестве самых свежих перебежчиков, чтобы выступить с докладом о современной советской жизни.

— Если вы согласны, конечно, — добавляет немец — ваши фамилии будут сохранены в строгой тайне, ведь, мы понимаем обстановку...

— Но мы не готовились к докладу...

— Тем лучше: расскажите, что вспомните, будет проще и естественнее.

— Когда же представить вам тезисы и установку?..

— Никаких тезисов, никаких установок... рассказывайте, что знаете, и помните лишь одно; у ваших слушателей «там» братья и сестры, им интересно каждое ваше слово.

Мы с капитаном Б. сначала очумели: уж очень непохоже на наши порядки. Как же это доклад без согласования... А потом поняли: умный немец... Ведь, не закричим же мы: да здравствует Сталин!..

Дальше пошло еще удивительнее. Перед театром — толпа тысячи в две. Они напирают, а их не пускают. Оказалось, действительно, в театре яблоку негде упасть.

А наши-то собрания, на которые профсоюзники на арканах тянут... Но может быть, это и исключение: потом мы узнали, что на собрании будет доклад о какой-то русской армии ген. Власова. О Власове и у нас говорили в последние дни моего пребывания в РККА, но мало и глухо.

В президиуме — ни одного немца, а весь генералитет сидит тут же, в первом ряду кресел. Гитлеру ни одного «ура». Даже и вспомнили о нем только один раз, процитировав его слова, что «национал-социализм — товар не для экспорта» и для России он не пример. Удивительно... И армия Власова не из эмигрантов, а наша, советская... Мы думали сначала, что докладчик из эмигрантов (в немецкой форме), но и он оказался советским учителем, только из старых офицеров.

Когда я вышел на трибуну, театр словно замер. Я рассказал сначала о том, как перебежал, о трупах, заваливших русло реки... какая-то женщина истерически зарыдала... это меня подхлестнуло, стал выкладывать все: о шпионстве политработников, о «круговой поруке», об адресах семей и родственников, о расстрелах «предателей родины», о «батальонах смертников»... рыдания слышались все чаще и чаще, да и сам я чуть не заплакал: прорвалось то, что давно наболело... и стало легче на душе. Как приятно сказать то, что чувствуешь и думаешь.

Лишь к концу моей речи я заметил, что передо мной стоял микрофон. А «там» сняты и отобраны все частные радиоприемники. Подпустить меня, перебежчика, быть

может, подосланного, к микрофону даже без проверки моей речи. Что это: беспечность уверенного в своей силе или тонкий психологический расчет... После моего доклада, пожимая мне руку, начальник пропаганды сказал:

— Видите, без подготовки вышло лучше. Вы говорили от сердца, и все растроганы.

Тонкий и смелый расчет. Он знал то, что накипело в моей душе, в душе каждого из нас...

+ + +

Уже три недели, как я в Симферополе. Живу в специальном общежитии для офицеров-перебежчиков. Нас здесь человек тридцать. Очень чисто: уборщики — наши военнопленные, начальство — немцы. Кормят хорошо — полный немецкий офицерский паек. Выход без пропусков. Мне дали какой-то немецкий документ, но на улицах его ни разу никто не спросил, хотя я хожу в русской форме с погонами. Снял лишь ордена и звезду с фуражки: как-то стыдно. Кажется, что все смотрят и думают:

— Вот он, сталинский подхалим, что за наш счет отъедался...

Перезнакомился со многими местными жителями. Странно, ведь те же люди, наши советские, а Сталина кроют от мала до велика... Все!.. Перекрасились или раскрылись душою?.. Второе вернее. Ведь и я сам таков же!

Назвать «товарищем» — оборвут:

— «Товарищи» Сталину зад лижут!..

Город тоже — тот да не тот. От немцев нового мало: только лишь серые мундиры и изобилие ближнего тыла, да столбы с десятками указательных стрелок на каждом перекрестке.

Но весь характер жизни иной. На немецкой службе платят гроши, но все с деньгами. Паек вдвое хуже советского, но все сыты. Базары кипят и полны всем, чего нет при советах, главным образом, съестным: мясом, фруктами, рыбой, маслом, табаком. Масса магазинов, кондитерских, ресторанов, каких-то «варьете». И все полны. Жители чем-то торгуют, что-то привозят, как-то изворачиваются.

Живут без нашего обычного советского страха за каждый свой шаг, за каждое слово... Я часто спрашивал:

— Ну, а как Гестапо? Многих берет?

Пожимают плечами:

— Берет кое-кого... Ну, а тех, кто своим делом занимается, тех — не трогают — жить можно...

Пожалуй, разгадка всего именно в этом «своем деле» — в личной жизни, в единоличности, которая везде и во всем подавлена в СССР.

Немцы часто возят меня для повторных докладов по городам и деревням. И везде я вижу одно и то же: люди начинают жить «своей» жизнью, «своим» трудом и, все оживает даже без помощи извне...

Велика созидательная сила народа русского!

А немцы все-таки не понимают! Ликвидировали бы начисто колхозы, роздали бы землю по рукам, все бы крестьянство за них горой встало! Бабы мужей метлами погнали бы против советов!

+ + +

Однако пора и мне сказать свое «б». Выбор большой: могу вступить в армию Власова, в казачьи формирования, в немецкия части «СС», могу быть направленным в германские лагеря военнопленных, оставаясь нейтральным, могу, наконец, остаться здесь, при пропаганде, т. к. редактор «Голоса Крыма» умный, хороший старик настоящий русский человек (хотя и монархист, между прочим) ко мне благоволит: заказал статьи для газеты и гонорар заплатил вперед.

Куда? «Нейтральным» не останусь. Вот за эту-то «свою» жизнь, за «свою» семью, за «свой» народ и пойду бороться...

Решил! Иду в казаки, хотя рожден в Рязани. Вернее, решил за меня писатель ген. Краснов. Зачитался я здесь его книгами и хочу пожить этой особой казачьей жизнью, которая так ярко им описана. Романтика, скажете вы, товарищи истматчики и диаматчики? Пусть так! Ведь мне еще только 20 лет! Не могу я разве хотеть «для себя» романтики, которую вы отняли у моего детства, моей юности. Вы заставляли меня жить «без черемухи», а я хочу, жажду ее, вот эту самую «черемуху». И найду ее! Рано или поздно!

Сегодня, кроме того большая радость: нашлись Муся и Славик. Они в Одессе, у мусиной мамы. Помог отыскать начальник пропаганды.

Завтра уезжаю в Одессу, имею 10 дней отпуска для свидания с женой, а оттуда куда-то под Берлин в офицерскую школу изучения нового оружия.

Перед от отъездом пойду в церковь, и отслужу там обедню или другое, что надо. Как назвать, не знаю. Ведь в церковь я попал только здесь и был в ней лишь два раза. Но Бог, кажется, все-таки есть...

XIII. ДВЕ РОССИИ

На следующих страницах своего дневника капитан Петров описывает свою радость при свидании с казалось бы потерянной женой и сынишкой Славиком, горечь при новой разлуке, первые впечатления от Германии, в которой его поразила, главным образом, богатая жизнь крестьянства: «врали то, врали то нам. Боже ты мой!», пишет он, «а мы верили, что немецкий крестьянин хуже нашего колхозника живет, и этим утешались в нашей проклятой «жистянке». А здесь, у каждого по пять коров, да каких — каждая из них — рекордистка, дом каменный, мягкая мебель у всех велосипеды!..»

Берлин ему не нравится: «много хуже Москвы и Ленинграда. И дворцы — совсем не те. Бедно жили ихние короли, с нашими царями не сравнить!.. и все лучшие вещи во дворцах — обязательно наши русские подарки», «но порядочек — «на большой»)[20] и организация «мировая»: все по карточкам, а очередей нет, выбирают любое в любом кооперативе».. Вот это-да... А метро наше много лучше берлинского».

При знакомстве с германской армией, его удивляет не техника, «все это у нас есть, а танки наши лучше», но её дисциплина: «в строю командир орет, «бузит на все сто», а потом вместе с бойцами в кино идет, и в кантину... паек одинаковый, дисциплина целиком и полностью «советская», не как у нас»...

Все это я пропускаю и перехожу к времени, когда он, окончив курс обучения, остался в качестве инструктора при постоянном составе школы.

Май 1944 г. Берлин.

Наши курсы помещаются вблизи красивого озера Ванзее, куда по воскресеньям приезжают тысячи немцев из Берлина. Все озеро бывает тогда усыпано лодками. Умеют культурно отдыхать черти. И Гитлер — парень башковатый: дает клапан газу: ни «воскресников», ни «ударников» — получай полностью, что полагается... займов тоже нет... Вернемся и у себя так сделаем!..

Недалеко от нас Дабендорф, главный лагерь Р.О.А. Туда я езжу по выходным дням, а иногда и после занятий. Сам Власов живет отдельно, в Дабендорфе бывает редко. Всем лагерем заворачивает начштаба ген. Трухин, а им «солидаристы», они же «персоналисты», они же «нацмальчики» из эмигрантов. Так весь лагерь говорит, хотя эмигрантов в нем почти что нет, все советские. Я тоже познакомился с двумя «нацмальчиками» (оба старше меня), только не в лагере, а в русском ресторане «Байкал», после обедни (я теперь часто в церковь хожу, не потому что очень в Бога уверовал, а там душе хорошо: свое, наше, русское... Вероятно, и Бог есть!..)

«Нацмальчики» — люди очень образованные, и программа у них четкая, все спланировано «в ажур», а народа нашего они не знают... и из программы ничего не получится, потому что, если Иоську свернем, то неизбежно большой б...к будет и надежда только на немецкую власть... ведь, народ наш голодный, озлобленный!.. К

[20] Сохраняя текст кап. Петрова, я беру в кавычки некоторые специфические советские слова. Многим они будут непонятны. Перевожу «на большой» и «мировой» — высшая похвала; слово «советский» он употребляет в смысле «справедливый», «тереть бузу» — скандалить, ругаться, «на все сто» — полностью, «кооперативом» называется в СССР каждый магазин, «аллилуйщина» — хвалебная ложь (прим. Б. Ширяева).

примеру, хоть в трамвае: в Германии я за 8 месяцев не видел ни одной ссоры, а у нас повсеместно, с утра до вечера. Кроме того их «условная собственность» — тот же колхоз... А мы все, и городские, и колхозные, настоящей «своей» собственности хотим и о ней тоскуем...

За эти месяцы я перечитал много эмигрантской литературы. Много в ней хорошего, дельного, но главного-то они не знают: нас не знают. Вот хотя бы НКВД. У них в романах все чекисты — или жиды, или садисты. А у меня было много приятелей из НКВД по клубу «Динамо»: футболистов и болельщиков. Славные ребята, на лодках с ними катался, водку пил.

Вот в этом-то и вся тоска, что эти славные ребята сегодня со мной водку душевно пьют, а завтра мне «дело пришьют», измытарят на допросах, сошлют лет на 10, а сами будут снова с чистою душою в волейбол играть... И не они одни, а все мы таковы: все «блат» ругаем, и каждый стремится словчить «по блату», на НКВД указываем, а кто туда доносы пишет... «Обратно» же — мы!

Вот, об этом я часто спорю с ребятами в Дабендорфе. У них все упрощенно до края: обманул нас «отец народов», а мы все — святые и надо защищать завоевания февраля... насчет февраля я не знаю, думается, что и тогда было не ладно, а то, что мы не святые, это мне ясно и понятно.

Вообще много в Дабендорфе «беспочвенного». Например, полковник Боярский такую «бузу трет»: — мы должны вести свою линию и в решительный момент противопоставить немцам мощный кулак, пресекая их агрессию.

Какой же кулак?.. Откуда?.. Чего стоит армия без снабжения, без базы, без тыла, без фронта?

Полковник, а такую «аллилуйщину» несет... Вреда же от подобных настроений много: несомненно у немцев в Дабендорфе осведомитель есть, и такия настроения им известны. Подрыв всему делу, да на мой взгляд и нечестно: немцы свернут «отца народов», уложат на этом деле 2-3 миллиона и заплатить за это надо, а потом вступить с ними в честный союз... Вот была бы сила!..

Впрочем, все это беспочвенно. Что можем мы здесь понимать?.. Люди маленькие!..

+ + +

А вот факты. В нашей школе раскрыта большевицкая ячейка. Сомнений быть не может, так как раскрыли ее сами курсанты, лично мне известные. Точные цели их, однако, не установлены — пока готовили лишь диверсионную группу.

В Дабендорфе тоже случаются такие происшествия. Иначе и быть не может: не оставит же НКВД без внимания такое явление, как РОА... А Гестапо далеко до НКВД... Детская игрушка. Арестовали ночью трех курсантов... и только. У нас бы всю школу сверху до низу перетрусили.

Сталинской агентуре работать здесь очень легко. Я бываю иногда у знакомцев в лагерях остарбайтеров. Настроение там определенно большевицкое, совсем иное, чем я видел в Крыму и в Одессе. Психологически мне это понятно: люди тоскуют по семьям, по «своему корыту», и оно начинает казаться им привлекательным, даже при сознании его отрицательных сторон. А тут, в Германии, наоборот, все кажется чужим и «вредным». Рождается необоснованная ненависть. Необоснованная, потому что живут остовцы неплохо, много лучше, чем на советских новостройках: помещения чистые, у всех кровати, матрасы, одеяла (на какой новостройке это видели?) еда — нормальный

паек немца, работа по нормальному немецкому графику, кроме того, большинство ворует и спекулирует. Весь Александер-плац полон русскими. Научили немцев самогон варить, и иные теперь большими тысячами ворочают, а у девушек — полные чемоданы барахла... И все же ненависть... Только ждут победы союзников и твердят, что после войны «у нас по-другому будет».

Конечно, и здесь много агентурной работы, тонкой работы... Но много и глупости: «обратно» верят пропаганде…

+ + +

Месяца три назад я познакомился с майором Зыковым, заправляющим в РОА обеими их газетами — «Зарей» и «Добровольцем». Читал ему мои стихи, беседовали... Человек очень культурный, но я в полной уверенности, что это — сталинский агент[21].

Говорит он много, красиво и всегда умеет связывать, слить воедино русское с советским. А ведь дело обстоит как раз наоборот: настоящее русское — не советское, а противоположное — антитеза — ему. Думается, что поэтому и эмигрантов в РОА не принимают. У тех: все советское — не русское... это тоже неверно, но где же разделяющая черта... Этого, кажется, никто не знает.

Я бываю иногда в одной эмигрантской семье. Живут хорошо и люди очень душевные. Россию любят «на все сто». Везде у них Россия. Чай сядем пить — обязательно из самовара, поставят на стол и любуются, — на стенах — виды старой Москвы, образа украшены расшитым полотенцем, шкафчик с русскими книгами — как в музее, заговорили о России — у них слезы на глазах... Любят, без памяти любят!..

А ведь ничего этого там нет: ни полотенец, ни Иверской, ни буквы «ять», по которой они плачут... из полотенец подштанники пошили. Иверскую — американскому коллекционеру продали, букву ять «похерили», а главное ко всему этому отношение стало другое: они, вот, над «мужичком в лапотках» умиляются до слез, а иногда на строительстве эти самые лапотки выдадут вместо ботинок, да пошлют в них из котлованов стахановскую норму выкидывать, так такой густой «мат» стоит по поводу этих лапотков, что не провернешь..

Бедные люди. Если удастся им вернуться в Россию, как они там мордой об стол хватятся. Вот когда заплачут!..

Ну, а моя Россия какова? Ту, о которой они вздыхают, я знаю только из книг и, признаюсь, особой нежности к ней не чувствую, ни об Иверской, ни о букве «ять» не заплачу. Они (эмигранты хорошие вдумчивые люди) думают, что я люблю свои Магнитогорски и Комсомольски. Это совсем не так: для меня они — муки, каторга, украденные, отнятые у меня годы молодости. Если и есть во мне любовь с ним, то такая же, как была у декабристов к браслетам, сделанным из кандалов, пополам с ненавистью, любовь к собственному страданию, достоевщина, психика... В ту будущую Россию, которую рисуют себе «нацмальчики», я не верю. Она — выдуманная этими хорошими, пламенными ребятами. Такой не будет, потому что кадров для нее нет!

И между тем люблю, крепко люблю Россию. Понял я это здесь, в Германии. Любил и раньше, а понял здесь. Когда я увидел эти немецкие деревни, их обжитые дома, тюльпаны на окнах у бауэров, чистенькие пивнушки, кирхи с памятными досками о

[21] Позже майор Зыков был действительно расшифрован, как большевицкий агент, но успел скрыться (прим. Б. Ширяева).

павших за родину — мне стало стыдно до слез, за себя, за Россию, за СССР с его нищетой, загаженными дворами, загаженными душами... за **чужое** так стыдно не бывает. На чужих что?.. Плевать, если они безобразничают... а вот, вот, если родная мать на улице пьяная, задрав подол, пляшет — тогда стыдно, потому что своя, любимая!

А стыдно бывает часто и не только на немцев глядя, но и на своих. На прошлой неделе я был в лагере Вустрау, за Берлином. Это лагерь особенный, где немцы содержат без работ, на полном пансионе резерв русской, украинской, кавказской и прочей интеллигенции. Наивные (много в них этой доходящей до глупости, прямолинейной наивности) Вертеры убеждены, что готовят там будущих немецко-русских администраторов, а на самом деле кормят, поят и одевают в большинстве случаев ловчил и дармоедов... В СССР подобный номер не прошел бы... Есть, конечно, исключения: доцент Гукемух, черкес, глубокий языковед кавказских народов, вывезший из Микоян-Шахара на трех подводах всю свою многочисленную родню и пропутешествовавший на колесах до самого Львова, талантливый журналист «Аспид», группа молодежи, выпускающая на ротаторе очень приличный ежемесячный журнал, чета артистов Блюменталь-Тамариных, поэт Тихий.... Эти работают, а большинство втирает очки и немцам (черт с ними!) и нам (это хуже!). Так вот, встречаю в Вустрау своего профессора Чаплю, читавшего у нас русскую литературу, обрадовался, бросаюсь к нему, здороваюсь, а он в ответ: «Не розумею российкой мовы».

Я так и сел!.. Вот тебе и русская литература. Потом узнал, что Чапля у Розенберга на украинстве карьеру делает. «Обратно» стыдно стало! До чего испохабился русский народ! И странно: молодежь, воспитанная на примере Павлика Морозова, все же честнее. Она бродит в потемках, тычется мордой во все углы, но ищет пламенно и упорно. А вот подобные, в прошлом обычно советские «активисты» готовы душу за сто граммов колбасы продать.

Подвожу итоги. России две: одна — мечта! Безразлично, какая мечта, « в лапотках и с березкой» или основанная на «иерархии личности» ли с «царем на белом коне» — все это — мечты, а другая, реальная, в которой кровь с гноем смешана в прорвавшемся нарыве. Эта Россия — мы! Но ведь кровь очистится, гной отойдет, таково и значение процесса. Прав Достоевский! Читаю его, и начитаться не могу. Гениальный писатель! все видел! Значит нужно бороться за эту очищенную кровь. Как?.. В настоящий момент — оружием. В союзе с немцами? Отчего же нет!.. Не станем жеребцами, если переночуем в конюшне. Власов прав!

Но только и всем нам нужно бороться, каждому в самом себе очищать свою кровь от гноя. Он во всех нас в той или иной мере содержится.

Конкретное решение — откомандировываюсь на фронт. Куда — безразлично! Вполне ясно, что война решается в целом, и разговоры о том, что мы должны сражаться только на восточном фронте — полная глупистика. Большевики правы, когда говорят: «все, кто не с нами, против нас!»

+ + +

Получил назначение во Францию, 5-й казачий полк. Странная комбинация получилась: я — русский, еду сражаться в союзе с немцами за Россию на полях Франции против англичан, американцев и новозеландцев. Вот какия абсурдные положения создает для нас, маленьких людей, большая мировая политика. Но, что я и

там буду служить России, для меня ясно и несомненно. Только какой?.. С буквой «ять» и березками или с «условной собственностью»?... Все равно. Только не сталинской! Она сама скажет: какой! Какая получится, а я — солдат, и мне рассуждать не полагается. В этом немцы правы целиком и полностью.

XIV. В НЕИЗВЕСТНОСТЬ!

Во Францию капитан, теперь есаул, Петров попал в самое горячее время — к высадке союзников в Нормандии, выполнял там обязанности инструктора нового противотанкового оружия при нескольких русских частях, участвовал в боях и вместе с остатками казачьего полка отошел в Эльзас. Дневник свой он вел и в этот период, но эпизодически и отрывисто. Трагедия русских частей, действовавших против англо-американцев — особая тема, и я ее выпускаю. В Эльзасе он был ранен осколком воздушной бомбы и по излечении попал в Северную Италию, в «казачий стан», где, в районе гор. Толмеццо, были сконцентрированы остатки казачества, вырвавшегося из советской кабалы. О героическом походе этих казаков, двигавшихся гужом с Дона и Кубани до Триеста, с женами и детьми, отходивших порою с жестокими боями, попавших под Новогрудком в окружение и вырвавшихся из него при честной поддержке немцев, есаул Петров не раз упоминает со слов участников и очевидцев. Это тоже особая тема. Я заканчиваю серию моих правдивых очерков о пути, пройденном многострадальными русскими людьми с востока на запад выдержками из его дневника, относящимися к последним месяцам войны.

Дер. Кавеццо. Италия. Март 1945 г.

«Война проиграна. В Нормандии я еще не верил этому, не хотел верить, но в декабре, когда наш полк растянулся тоненькой цепочкой по левому берегу Рейна, без оружия, с одними винтовками, когда я увидел разбитые мосты через Рейн, зарево горящего Страсбурга и, главное, мертвый, парализованный ближний тыл, — предстоящая гибель стала очевидной. Это понимают все…

Но мы погибаем доблестно и честно, не посрамив русского имени. Вот несколько эпизодов, всплывшие в моей памяти.

Во время первых боев в Нормандии батальон русских добровольцев (не РОА, а немецкой армии), был окружен канадцами. Я знал этот батальон. Он состоял из красноармейцев, сдавшихся немцам под Минском без боя. Канадцы предложили сдаться. Немец — командир батальона — опросил солдат, и все они **единогласно** отказались от сдачи и пошли на безнадежный прорыв. Удалось вырваться лишь трем: двум солдатам и лейтенанту, который и рассказал это мне.

В лазарете я лежал с офицером РОА, вырвавшемся из осажденной Ла-Рошели на подводной лодке. Ранен он был уже в Берлине с воздуха, там, кажется, и до сих пор сидят части РОА, которые местами ведут даже наступательные бои. На несколько предложений о сдаче неминуемо следовал отказ. А ведь это тоже пленные, сдавшиеся немцам.

В Эльзасе при коротком ударе противника несколько немцев спрятались в подвале и не захотели отходить, задумав сдаться в плен. К тому же склоняли они и обнаруживших их проходивших казаков. Наши ребята забросали их гранатами.

Мы знаем, что ждет нас у красных, но, вместе с тем, у каждого из нас все же живет в мозгу какая-то искра надежды, что и «там» может удастся сохранить жизнь, отделавшись 10-15 годами каторги. Эта надежда не может покинуть живущего даже в последнюю минуту жизни... Но наши бойцы предпочитают ей неизбежную, неотвратимую смерть. Те, кто сдавался немцам без боя…

В чем же дело? Думается в том, что теперь, повидав иную жизнь, мы уже не в силах вернуться к советскому прозябанию и сознательно предпочитаем ему физическое уничтожение себя.

+ + +

«Наш «Казачий стан» явление очень интересное и характерное для отношения народных масс России к советской власти. История его вкратце такова. Когда началось обратное движение Германской армии, десятки, вернее сотни тысяч семей и одиночек потянулись вслед за нею. Характерно, что основную часть этого потока составляли крестьяне; удельный вес интеллигенции был незначителен, рабочие — еще меньше. Впрочем, разграничить теперь в СССР колхозника от рабочего чрезвычайно трудно. Большинство шло с надеждой на скорое возвращение, вера в победу немцев была еще крепка, меньшинство сознавало трагизм своего положения и все-таки шло. Служивших у немцев в этом потоке мало. Вела, толкала его стихия.

Немцы охотно помогали этим беженцам: подкармливали их, организовывали этапные пункты, предоставляли право проезда по ж. д., подвозили и на пустых грузовиках. Многие двигались гужом, даже коров вели...

На Днепре и в Крыму немцы начали уже с лета 43-го года группировать казаков и погнали основное ядро гужом в Польшу. Походным Атаманом стал волею судьбы полковник, теперь генерал Доманов. Я мало соприкасался с ним, но на меня он произвел впечатление заурядного и даже слабовольного человека. Это не вождь. В прошлом, кажется, только есаул, в советский период — учитель.

Его начальник штаба полковник Стаханов — дело иное. Это неисчерпаемый фонтан энергии. Работает по 20 часов в сутки, всегда свеж, решителен и быстро разбирается в каждом вопросе. Им держится все. В прошлом — история богатая, белый офицер, дутовец, переживший тысячи приключений. В дни окружения показал себя боевым офицером. Это признают даже его враги. А вражды и здесь много. Борятся за «блага жизни», за чины, донцы с кубанцами, эмигранты с советскими...

В результате отката на запад, казачий обоз и сформированные из него полки докатились до сев. Италии. Немцы отвели ему район Толмеццо, кишевший партизанами. Очищать пришлось с довольно упорными боями. Теперь город и близлежащия деревни в радиусе 30-40 км спокойны, но горы полны и бадольовцами — остатками итальянской армии (народ сравнительно приличный, командуют офицеры) и гарибальдийцами. Эти — просто сволочь, в большинстве — коммунисты. Население их поддерживает, и мы сами во многом виноваты: очищая район от партизан, здорово грабанули наши казачки. Пограбливают и теперь. Доманов решительных мер не принимает: слаб или ищет популярности. Немцы, — здесь стоит отряд СС, — тоже не протестуют. У них на казаков странный и неверный взгляд: искренно и глубоко ценят казацкие боевые качества, но, вместе с тем, считают нас азиатскими дикарями. Недавно ген. Скромаха показывал немецкому главному свое юнкерское училище. Ребята действительно отборные. Немец пришел в восторг, но одновременно и страшно удивился, что юнкера смогли так быстро освоить сложные технические знания. В Нормандии казаки, да и власовцы тоже, безобразничали по малости. Немцы пользовались этим в качестве пропаганды.

— Смотрите, мол, французы: эти русские смирные, уже дисциплинированные, а если красная орда к вам придет, что тогда будет?

Казачье юнкерское училище — явление очень интересное. Юнкера — полностью советские, а персонал школы — эмигранты. Но спайка, общий язык найдены целиком и полностью. Умеют работать царские офицеры! Думается, что здесь играет немалую роль и общая идеология «стана», которую проводит ген. Краснов (в строевые и оперативные дела он не вмешивается, предоставляя их Доманову). Никакого самостийного идиотизма здесь нет (а в XV корпусе фон Паннвица, судя по их газете, он — генеральная линия). Здесь все — Россия. Ей служим и только ей одной. Главная установка: — русская элита.

Я записался на курсы пропагандистов. Не для службы, а для себя. Иногда там Краснов выступает. Что за человек! Как говорит! Много, очень много интересного рассказывает. Нравятся мне и лекции Тарусского по русской истории. Словно завеса с глаз спадает. Он — тоже писатель, но я прочесть его книг не успел. Русскую литературу, вернее выборки из нее читает ротмистр Ш-в. Этот кроет сплеча: все, чему нас в десятилетке учили, вверх дном летит. Молчалин у него — тип положительный, работник, скромный строитель России, а Чацкий — болтун, бездельник; Герцен — саботажник русского прогресса, Некрасов — шваль, а Горький — бесталанный писатель... Однако, подумаешь, пожалуй, — верно... А Шолохова нашего любит и считает, что «Тихий Дон» — обвинительный акт большевизму. Это верно. Интересен также и сотник Давиденко. Он ученик акад. Павлова, очень талантлив...

\+ + +

Толмеццо, апрель 1945 г.

Романтики я в казачестве не нашел. Люди как люди. Разве что среди стариков попадаются красочные «шолоховские» типы, и прежде всего — сам ген. Краснов. Мне удалось с ним говорить как с писателем. Какая красивая и честная жизнь им прожита. Действительно — «последний рыцарь».

У нас здесь большинство — монархисты. Особенно старики (это понятно) и молодежь, рожденная 1924-5-6 г.г. Юнкера — полностью. Часто и я об этом задумываюсь: цари, конечно, не были теми пугалами, за которых их большевики выдают. Они Россию строили и выстроили. А теперь как? Однако об этом мечтать нечего: война проиграна начисто, и ни о каком переустройстве России планировать не приходится. После победы Сталин еще крепче гайку завинтит. Его сила взяла. Но и конец ему придет. Народ с войны вернется не тем, каким пошел. Особенно молодежь.

На фронтах дело — дрянь. Что же с нами будет?

На днях сюда приехал от Власова полковник Гончаров или Бочаров, повел агитацию за вступление всего казачества в РОА. Если бы мы были вместе с РОА, то это было бы целесообразно, а так, мы — здесь, а Власов в Карлсбаде — нелепо. Полковник же распространяет письмо ген. Науменко о неподчинении Краснову. Это — преступление. Кубанцы, недовольные засильем донцов, текут к Науменке. Получается разложение, склоки.

Ходят слухи, что американцы предлагают казакам выселение то ли в Австралию, то ли в Южную Америку. Конечно, это чушь. Очень мы нужны американцам! Но многие верят... Настроение подавленное.

\+ + +

— Все кончается, и война кончится, — сказал ген. Краснов в своей общественной беседе с офицерами. Того, что война проиграна не сказал, это для всех ясно. Говорил красиво, спокойно и по-старчески мудро. Но главного, о чем все думают, не сказал. Он упирал на честь, долг, духовные ценности, а физически-то, что нам делать? Большинство уходило с беседы разочарованными, а я принял решение отделиться от массы и действовать одному, применяясь к местности. Что же я, шкуру спасаю? Нет. Помочь здесь ничем не могу, но вполне возможно, что в будущем и найду себе применение на основе того, что Краснов говорил на основе долга и чести...

Узнал в редакции, что радио Триеста уже не работает, а из Берлина поступают лишь обрывки. Надо думать: там уличные бои. У нас все в тревоге, но паники нет.

+ + +

Кончено. Итальянский фронт пал. Партизаны спускаются с гор, но в бой с нами не вступают. Боятся. Доманов стягивает полки и казаков из деревень (семейных) в Толмеццо. Говорят, отступаем в Австрию. Зачем? Почему? Говорят, что боимся местного населения из-за прошлых бесчинств. А по-моему, бояться нечего. Напасть на нас итальянцы не рискнут: вояки они липовые, а через 3 дня здесь будут американцы. Не все ли равно?

Обозы двинулись на перевалы. Паники нет. Партизаны сопротивления не оказывают. Опасаются, главным образом, титовских «ястребков», которые беспрерывно шныряют по ущельям и сбрасывают бомбы даже на единичные автомашины.

Ушли. Я остался. Надеюсь на себя и на Бога. Теперь знаю: Он есть».

+ + +

На этом кончается дневник капитана Петрова.

XV. ПОВЕСТЬ БЕЗВЕСТНЫХ МОГИЛ

Мои беглые очерки виденного на пути миллионов русских людей окончены. Вышли миллионы — дошли тысячи. Многие ослабели в пути, заблудились, отстали, погибли… Но из дошедших тысяч снова образовались миллионы, чтобы снова остаться в малом числе под нежданными ударами тех, у кого они искали, если не помощи, то хотя бы милосердия.

Тупое и слепое бессердечье восторжествовало еще раз, второй раз на моих глазах…

Я шел лишь по одной извилистой тропе этого широкого — от Черного до Балтийского моря — тракта и рассказал только то, что видел на ней. Но тоже далеко не все. Одного я не смог вместить в краткий очерк, о другом не хотел говорить потому, что о нем уже много сказано и многое, надо сознаться, добавлено от себя по современному правилу: «лежачего — бей».

Пепелища деревень, сожженных за пособничество партизанам, вынужденное к тому же, я редко, но видел. Нелепое, ненужное зверство. Я видел также множество жел. дор. составов, пущенных под откос и трупы немецких солдат, нелепо, ненужно убитых на улицах городов и на тыловых дорогах.

Законы войны суровы и кровавы. Война — не танцулька.

Уничтожение поселков, связанных с партизанами, практиковалось всеми государствами даже в гуманном XIX веке: французами в Испании и Алжире, русскими на Кавказе, американцами в разоренных северянами южных штагах, англичанами в Трансваале и по всему миру... таков закон войны.

Но в помощи своим военнопленным Сталин отказал впервые в истории. Выкуп военнопленных был тоже всегда законом войны.

Я видел и братские могилы погибших от голода в лагерях военнопленных. Но видел и множество складов, элеваторов, пакгаузов с продовольствием, сожженных отступавшими красными. В первый год войны количество пленных превышало вдвое число наступавших, чем было их кормить?..

В памяти всплывают сцены того пройденного пути и созвучные им, но более близкие по времени.

Вот маленький приднепровский городок. По его немощеной улице быстрым шагом идет немецкий солдат, держа в руке неистово кудахчущую курицу... За ним, еле поспевая, бежит и воет на ходу баба... Солдат резко сворачивает в переулок и неожиданно оказывается перед своим фельдфебелем. Тот разом понимает все. «Хальт!». Солдат вытягивается. Курица уже в руке фельдфебеля. Раз, два... Два полновесных удара курицей по морде, после чего она переходит в руки бабы, а солдат под смех русских и немцев выслушивает длинное назидание...

И вот другой городок, залитый южным нерусским солнцем. Вереница понурых безоружных русских казаков одетых в фельдграу, проходит между двух одетых в хаки сержантов. Они быстро обыскивают проходящих, отбирая часы и деньги… и то и другое без счета бросают в пустую картонку...

В ставропольском музее сохранилась единственная в мире по богатству коллекция старинного кавказского оружия, собранная в свое время славными Тенгинским и Самурским полками. Шашки и кинжалы, украшенные золотом и серебром, советское начальство пораскрало, но на малиновом бархате витрины еще лежит невзрачный темно-коричневый клинок.

Комендант оккупированного города, прежде «гусар смерти», осматривает музеи.

— Шашка знаменитого древнего мастера — «Гурда» — объясняет директор музея. Он вынимает клинок и сгибает его в кольцо. Глаза старого кавалериста загораются. Он берет шашку, взмахивает ею и слушает... «Гурда поет свою древнюю боевую песню.

О, как украсил бы этот трофей кабинет майора в его старом рыцарском замке...

Но глаза старика потухают. Он кладет клинок на место.

Сколько «трофейных» сундуков вывезли из оккупированных областей носящие русские имена командиры всех рангов?

Совесть нельзя усыплять, особенно тем, для кого неизбежен, неотвратим путь подвига.

Еще картина. Ближний тыл разгромленной под Сталинградом 6-ой армии. На узловой станции сутолока эвакуации. Крепкий мороз. По путям мечется женщина, таща за руку пятилетнего мальчика. Она стремится уехать вслед за потерянным в хаосе мужем. Все вагоны или полны или заперты.

Продрогший ребенок плачет. Немецкий солдат берет его на руки и несет к вагону, оттягивает тяжелую дверь, всаживает обоих. Ночью он кутает ребенка своим суровым солдатским одеялом. Это был враг!

Женщина нашла своего мужа. Теперь все трое в одном лагере со мною. Мальчик уже кончает итальянскую школу. Я часто вижу ее и мальчика, идущих с другой русской женщиной, хромой на обе ноги.

У этой нет ни мужа, ни мальчика. Но были. Пять лет назад, в страшный для русских людей день, её мужа — бросили на грузовик вместе с другими также связанными и окровавленными русскими людьми. Туда же тащили за бороды молившихся о спасении невинных душ русских священников. Их везли на смерть[22]. Женщина бросилась под грузовик вместе с ребенком. Он был задавлен, а она стала калекой...

Тягостен Божий дар память!.. Но и благостен он.

Год 1944-й. Ранняя весна. Деревенька над Днепром. Её улички, спадающие к реке под беспрерывным обстрелом. В расположенный в ней штаб немецкого полка прибыл с особым заданием офицер в странной форме: немецком фельдграу, но с русскими широкими серебряными погонами, русской кокардой на фуражке и черно-желтой ленточкой в петлице. Он дружески принят в избе собрания, и вечером ради гостя полковник выставляет коньяк и ликер. И полковник, и приезжий оказались участниками первой войны... воспоминания, тосты... еще коньяк и незаметно началась веселая фронтовая пирушка. Из роты вызвали гармонистов к после нескольких вальсов и маршей полковник подозвал старшего из них и что-то тихо спросил. Тот кивнул головой и через минуту... волна стройных звуков неповторимо несказанно величественного русского гимна понеслась над рекой, омывшей Русь святою водой Крещения.

Русский офицер встал и привычно вытянулся. Рядом с ним стал немецкий полковник. Встали все офицеры... Торжественно струились волны гимна. Величаво катил Днепр свои святые воды. Не их ли капли стекали по щекам русского офицера в немецком мундире... Лица немцев были строги и суровы.

...Царствуй на страх врагам!..

[22] Имеется в виду выдача в Лиенце (прим. ред.).

Из-за реки застучал пулемет. Чей?.. Русский? — **Нет!..**

В ответ ему застрекотали пулеметы третьего Рейха. Социализм красный и социализм коричневый поливали друг друга свинцовым дождем.

В ночной темноте пронесся последний аккорд. Старый немецкий полковник высоко поднял свой бокал, осушил его, крепко пожал руку русского офицера. Их глаза встретились. Они оба знали слова величавого гимна и понимали трескучий язык пулеметов...

Вслед за полковником, выполняя старинный военный обряд, строго по рангу друг за другом, без улыбок на каменных лицах к русскому офицеру подошли немцы...

«Российское государство родилось не в скопидомных сундуках Ивана Калиты, а в крови, оросившей Куликово поле», — писал В. О. Ключевский.

Сорок тысяч павших ратников, осознавших себя русскими, насчитал «став на костях» князь Владимир Андреевич. Как просто было тогда!.. Перед ратью — орда, враг. За её укрепленным Святым Крестом строем — Родина, Русь. Древние могилы вокруг Куликова поля и теперь рассказывают об этой простоте и ясности: по одну его сторону деревни зовутся: Кресты, Старый Погост, Молитвено, а по другую — Смердячи, Бугры, Поганкино... Может быть теперь переименовали, но больше полтысячи лет носили они свои имена.

Теперь не то. Раскиданы могилы ратников, сознавших себя русскими, от приатлантической Ля-Рошели до вод Тихого океана, от залитого солнцем Римини до концлагерей льдистой Арктики, от немецкого Дахау до воздвигнутого на костях советского Комсомольска-на-Амуре... Имен у них нет.

Вечная память и Вечный покой павшим за Русь, за Россию!...

Путь к ней, к России, в те давние годы был прям и ясен. Поднялись за своими князьями ратники белозерские, суздальские, муромские, полоцкие, звенигородские, костромские и пошли под Коломну по зову Великого Князя Московского по слову Святителя Радонежского. Стали в Коломне под стяг Победоносца, змия поражающего, и двинулись дальше, уже русскою ратью за Оку, за Непрядву в злую, страшную сечу за Русь. В пути том и в сече из муромских, полоцких, костромских стали Русскими.

Светел и ясен был их путь к России, осененный чудесным знамением Владимирской Матери Божией.

«Родиться русским — это мало.

«Чтоб зваться им — им надо стать» — писал поэт.

...Над Россией — Русью стала темная ночь. Её тьма скрыла от ищущих взоров и светлый лик Пречистой, и блистательный стяг Победоносца, и само Русское имя.

Во тьме, замкнутые железной стеной, томились и скорбели утратившие свое имя люди...

Невиданные сполоха — молнии небывалой грозы просекли тьму. Громы её пробили железную стену, и истомленные тьмой, отчаявшиеся, безымянные люди, страждущие и жаждущие узреть блеск стяга и обрести утраченное имя, ринулись в проломы.

Чтобы найти Родину, нужно было ее покинуть. Чтобы прийти в Россию — уйти из нее, вырваться из колдовского круга, разорвать чары оборотня, принявшего её обличие.

Страшный, тернистый путь, но иного не было!

Шли, изнемогали, погибали, падали, вставали, снова шли… Вышли миллионы — дошли тысячи... Но и они штыками Власовской армии, клинками Красновских казаков,

свидетелями правды Кравченко разорвали колдовские оковы оборотня и кровью мучеников Лиенца и Римини начертали на его лживой личине:

СССР — НЕ РОССИЯ.

+ + +

На широких просторах от Волги до Вислы, было раскидано много иных нерусских кладбищ. Было. Теперь они сравнены с землей и стерта память об их жильцах.

Могилки на них стояли стройными шеренгами, и на каждой лежал боевой стальной шлем, часто пробитый пулей... На ровных одинаковых крестах были написаны нерусские имена, чин, номер полка и дата конца боевой службы.

Под крестами лежали мекленбургские мужики, рурские шахтеры, — солдаты, которым неисповедимою волею Господней было суждено пробить проломы в воздвигнутой оборотнем колдовской стене. И лечь в них костьми.

Социализм коричневый вырывал у красного социализма сотню миллионов его рабов, но рвал ли мекленбургский крестьянин у саратовского колхозника его кормилицу-землю?.. Отнимал ли саарский углекоп у донецкого шахтера его черствую корку хлеба?

То, что я видел на пройденном за эти годы пути, говорит — нет, не отнимал.

Только на страшном Суде Господнем сможем счесть, кто кому должен за пролитые кровь и слезы. Только там, а здесь я, русский солдат и русский человек, с чистой совестью перед матерью моей Россией говорю им, солдатам немецким, устлавшим своими костьми мой скорбный, запутанный, но единственный тогда путь к ней, моей матери:

Спите с миром, в чужой и чуждой вам земле.

Б. Ширяев

КОНЕЦ.